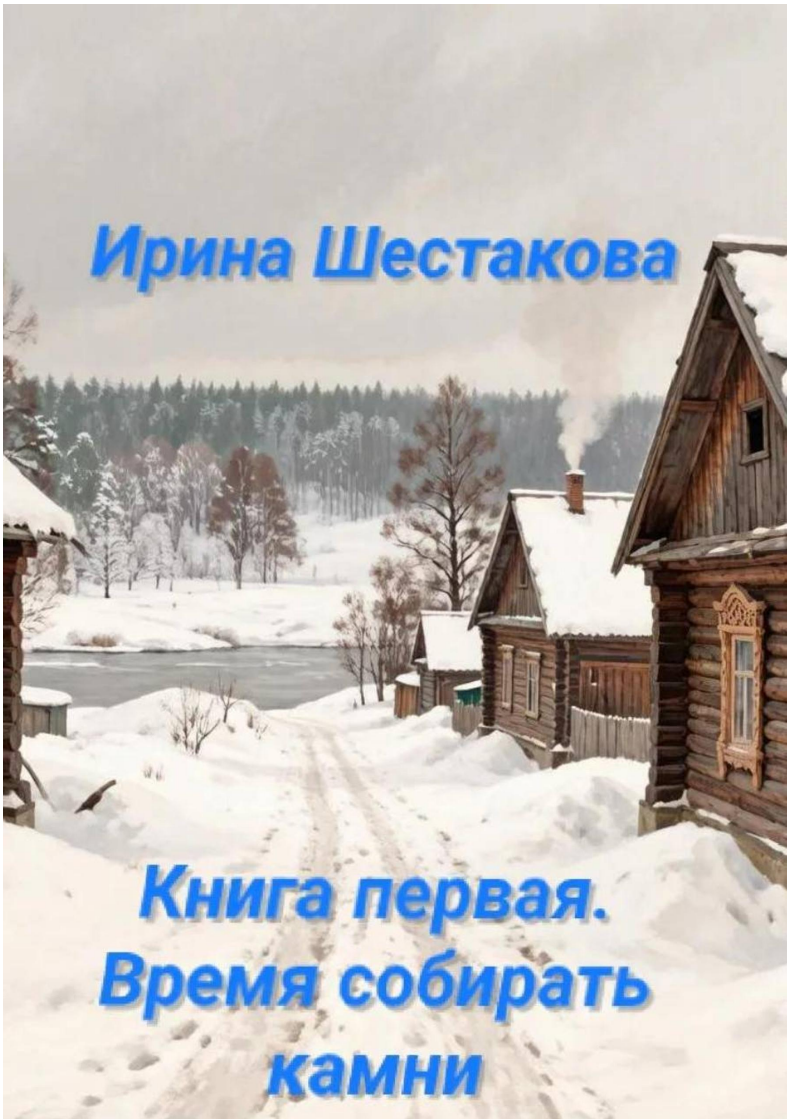

Ирина Шестакова

Книга первая. Время собирать камни

Ирина Шестакова

Время собирать камни. Часть первая

https://litres.ru/74668722
SelfPub; 2026

Аннотация

Семейная сага "Время собирать камни" охватывает несколько сюжетных линий.В центре сюжета три семьи - Морозовы, Лыковы и крестьяне Пахомовы. Повествование больше художественное, без упора на исторические факты и главный костяк романа человеческие отношения, любовь, дружба и предательство. У каждого человека наступает время, когда приходится собирать камни своих обид, пустых обещаний и несбывшихся надежд...

Ирина Шестакова
Время собирать камни. Часть первая

Глава 1

— Метель-то в этом годе какая. И-их, метёт и метёт — дед Антип кряхтел возле печки, помешивая кочергой тлеющие угли — приедет али нет, Егорка-то из городу?

— Тебе какая забота об том? Приедет сынок наш или не приедет? Пущай работает. Ему двоих ребятёшек тянуть. Как померла Ульяшка, горемычная, так нету ему в деревне жизни боле. Всё об ей напоминает — тяжко вздыхала бабка Нюра, разливая по тарелкам горячую похлёбку — Танюшка, Олька, а ну идите есть.

Две девочки-погодки спрыгнули с печи. Они в последнее время всегда голодными были. Раньше мамка им сытно готовила, да померла она, год уж скоро будет. Папка в город подался, устроился в депо, помощником машиниста. Танюшку с Олей своим пожилым родителям оставил, куда он девчонок с собой потащил бы?

Баба Нюра уселась за стол и подперев кулаком щёку, искоса на внучек поглядывала. Вроде две сестрицы родные, а не похожи они друг на дружку-то. Одна светленькая, та, что Танюшка-то, с ярко-голубыми глазищами, да востроносая.

Худющая и росточком шибко маленькая, для своих тринадцати годков.

Вторая тёмненькая, с глазами-вишенками, да носом-картошкой. Полненькая, с ямочками на пухлых щёчках. Для своих четырнадцати неплохо уже развилась. Росточком-то поболе сестрицы своей будет. Ещё годок-другой, замуж того и гляди выскочит.

Меж собой сёстры не особо дружными были. Всё соперничали, кто из них краше. Причём Танюшка как-то подобрее что ли была, а вот Ольга сущей язвой росла. Баба Нюра вспомнила свою сноху, не к ночи она будь помянута. Ох и красивая девка была. Егорка по ней с ума сходил ещё со школы. И Ульяшка его любила. Сиротой она была, у тётки своей воспитывалась. Да только та её в чёрном теле всегда держала, и как только восемнадцать стукнуло Ульяшке, не раздумывая она за Егорку Пахомова замуж выскочила.

Нюра-то была сперва против скороспелой женитьбы сына. Он у неё младшенький был, поздний ребёнок. После старшей дочери Аннушки шёл. Хотели его после семилетки к Аннушке в город отправить. В техникум поступил бы, жил бы у сестры. Глядишь, и девушку себе городскую со временем подыскал бы. Перспективную, да из хорошей семьи.

Мечтали Пахомовы, чтобы дети их из деревни оба уехали. Нету жизни здесь, как поселился у них купец Кирьян. Особливо за Аннушку боялись, услыхав, что весьма охоч Кирьян до молодых девиц. Что заманивает он их на заимку свою и

портит девичью честь.

Как только возможным стало, спровадил Антип свою старшую доченьку к родне, в Новониколаевск. Образование она получила хорошее, да и замуж вышла вскоре. Да не за абы кого, а за работника ВЧК. Боролся рьяно их зятёк с контрреволюционерами, а недавно в НКВД перешёл и ещё более заважничал. С роднёй своей жены из деревни предпочитал не общаться.

И Аннушке запретил своих матушку и батюшку навещать. Всё за карьеру свою опасался и держался за должность свою зубами.

Один Егорушка родителей своих не забывал и жалел. Всё до копеечки отдавал им. На девчонок и так по нужде.

Нюра-то деньгами сына распоряжалась, да не всеми. Заначку держала, на чёрный день. Мало ли. Сейчас жизнь такая наступила, что на год вперёд думать надобно.

— Собрание вчера в колхозе было — дед Антип на внучек покосился и голос понизил — разговоры разные идут. Будто советская наша власть скоро таких, как купец наш Кирьян, сравняет с простым людом. И не будет уже у него прислужников, которых он напившись плетьми хлещет. Как мы жить будет и все закрома его вычистят скоро дотла.

Нюра подвязав концы платка, вздохнула.

— Рано ты радуешься, дед. Как ему худо будет, так и нам, простому люду, несладко придётся. Как у него изымут, так и у нас последнюю кобылу заберут. В прошлом году-то по

урожайности мы от соседнего колхоза путём отстали. А где её брать, урожайность эту? Когда лето вон какое было. Дожди за дождями.

Танюшка, расправившись с нехитрым ужином из картохи-нелупёхи да малосольных огурцов, на печку взобралась опять. Всё о Пете она думала и никак из головы выбросить не могла.

Смущалась и краснела она в его присутствии. Только он на неё и внимания-то особо не обращал. Всё на сестру её посматривал. Она вон какая выбилась.

Петя был единственным сыном купца Кирьяна. С чёрными кучерявыми волосами, да с пронзительно голубыми глазами. Он был старше. Ему семнадцать прошедшим летом стукнуло. И Танюшку он всё чаще пигалицей малолетней называл. А чем Олька не пигалица? Всего на год её старше! Таня и сама через год расцветёт, не хуже сестрицы своей будет.

— Дурилка ты, спишь что ли там? Или опять о моём Петьке всё мечтаешь?

Ольга влезла на печь следом за сестрой. Тепло тут было. Бабушка тулупов ещё набросала, чтобы девчонки не мёрзли, да пальтишко мамино, старенькое. Всё, что осталось от неё. Остальное баба Нюра по чужим людям раздала. Вроде как положено так.

— А с чего это Петя твой-то? — недовольно пробурчала Таня — он вон с Анфиской Морозовой под ручку ходит. Да сватов собирается к ней послать.

Ольга, угнездившись на подушке, вскочила враз.

— Как так? Что ты такое мелешь? Он мне сам ...

— Что сам? Что? - тоже подорвалась Таня — тётка Глаша по всему селу растрезвонила. Как же ты не слыхала? Маленькие мы для Петьки. Что ты, что я. Отец его, Кирьян, сына своего удачно пристроить хочет. Морозовы такие же зажиточные, как и он сам.

Ольга вдруг расплакалась, чем весьма удивила сестру. Всегда такая бойкая, за словом в карман не полезет, и в слёзы? Неужто так шибко влюбилась? Сильнее, чем сама Танюшка? И угораздило же их в одного и того же парня втюхаться! И что теперь будет? Как бы дедка с бабушкой не прознали. А то так по щекам обеих отхлестают, мало не покажется.

Сердце Танюшки и у самой ревность изнутри точила. То она к сестре только Петьку ревновала, а теперь ещё и к Анфиске. Только та из зажиточного семейства, у неё и шансов больше. А им с Ольгой и не светит уж ничего. Кто из сильных мира сего замуж-то их возьмёт? Двух бесприданниц из рабоче-крестьянской семьи?

Жить-то хорошо хотелось. Вон, как тётушка их, Анна. В городе, да с мужем при государственном чине.

— Всё равно моим будет — выдавила из себя Ольга, уставившись куда-то в одну точку. Чёрные глаза её в темноте злобой сверкнули и ненавистью. Зубы сжаты. В свои четырнадцать она слов на ветер не бросала. И для достижения сво-

ей цели на любую подлость готова пойти, лишь бы ей было хорошо.

Глава 2

Уж который день заметала пурга в Михайловке. Снег всё мёл и мёл. Снежные вихри кружились в диком безумном танце, подгоняемые разъярённым ветром, который метался по округе. Он завывал в печной трубе. Протяжно и жалобно, как капризный ребёнок, а потом вдруг резко срывался на хрип, будто пытаясь пробраться внутрь. То завывая, то затихая вдруг на короткий миг. Колючий снег рьяно бился в окна словно сговорившись с ветром, который рвал ставни так, будто желал вовсе сорвать их с петель.

— В такую пургу добрый хозяин собаку на улицу не выгонит, — произнёс Пётр Лыков.

В толстом тулупе, подняв воротник повыше, он стоял на крыльце сельского клуба, пытаясь раскурить самокрутку, закрываясь от ветра широкой ладонью.

— Ну и не выходил бы, дома на печи всё теплее будет. Чего ж пришёл-то? — задорно спросила Анфиса Морозова.

В пуховом платке она была чудо как хороша. Молодая, энергичная. Прямо кровь с молоком. Глаза горят, щёки алеют, а уста медовые в озорной улыбке то и дело раздвигаются.

Как же Пётр её любил! Странною, ревностною любовью. Только посмотрит кто на неё, уже всё внутри него подымается супротив. Кулаки так и чешутся устранить соперника. Его Анфиска. Никому он не отдаст её. Ежели убьёт только,

а не даст за другого кого ей замуж выйти.

Не на жизнь, а на смерть готов Пётр биться за ту, что в сердце его крепко вошла, корнями вросла напрочь, и не вырвать Анфиску уже оттуда.

— Отец сватов к тебе хочет заслать. Согласишься?

Пётр искоса глянул на Анфису и тотчас отвернулся. Красивым парнем он был, видным. Высокий ростом, широкоплечий. Из-под кроличьей шапки белокурые вихры торчат в разные стороны, голубые, как летнее небо, глаза смотрят прямо, пронзительно. А улыбка белозубая чего стоит? Чем не жених?

Да только другой на сердце у Анфисы был, и ничего она с собой поделать уж не могла. И не знал об том никто. Только она да он, тот, кому сердце Анфиса своё отдала. Потому как запретной та любовь была в глазах людей. Особливо в глазах родителей её дорогих. Маменьки и батюшки.

— К чему торопиться, Петруша? До весны тебе неймётся, что ли? — рассмеялась девушка, а сама на нижнюю ступеньку чуть приспустилась. Будто сбежать готова от Петра Лыкова сломя голову тут же.

Ведь отец его, зажиточный кулак Кирьян Степанович, мужик мстительный и жестокий. Об его издевательствах над работавшими у него батраками всё село говорит. Сам Кирьян об том знает и важно отвечает: "*То домыслы, да сплетни паршивые. Вы доказательства предъявите*". И все тут же рты затыкали, не смея в лицо ему хоть что-либо возразить.

Измором брал и управы на него никакой не было.

— А может, и неймётся, — стрельнул Пётр пронзительным взглядом, — больше жизни тебя люблю, Анфиска. Ежели откажешь, утоплюсь.

— Ой ли? — звонко расхохоталась Анфиса, понимая, что играет с огнём. — Так уж и утопишься, Петруша? Вон по селу и за пределами невест сколько, не счесть. На кой ляд тебе я сдалась? Я же замуж пока не собираюсь, и батюшка с матушкой меня в это ярмо не гонят. Пустое дело, Петруша, сватов ко мне засылать.

— Твои батюшка с матушкой разбаловали тебя, Анфиска, — горячо произнёс Пётр, так же спустившись вниз и сравнявшись с девушкой. Глаза в глаза они друг другу смотрели при свете ярко-жёлтой луны. Пурга прекратилась вдруг, порывистый ветер рассеял мрачные тучи. Снег засеребрился в лунном сиянии, будто россыпь драгоценных камней.

— Любят они меня, Петя. Только тебе этого не понять. Папенька твой всё поперёк лавки тебя воспитывает, и что такое ласка, не знаешь ты. Мамка твоя как попадья во всём чёрном ходит, а на заимке меж тем дурные дела творятся. Неужто не слыхал? А может, и сам во всём этом участвуешь?

На опасную дорожку ступила Анфиса. Пётр стоял так близко к ней, ещё чуть — и схватит. Его горячее дыхание обжигало девушке лицо, а от его тяжёлого взгляда мурашки по всему телу побежали.

И подумалось Анфисе тотчас, что, как и его отец, станет

Пётр жестоким и беспощадным. Никогда она ему своего согласия не даст. Уж лучше запретная любовь, что в сердце её томится, чем брак с Петькой Лыковым.

— Ты бы, Анфиса, местные сплетни поменьше слушала, — вкрадчиво произнёс парень. — Лучше приданое родители тебе пусть готовят, да сватов ждут. Не хочу до весны ждать. А пока давай провожу тебя до дома, душа моя. Одной-то негоже по тёмным улкам молодой девице ходить.

Из клуба вырвалась толпа ребят и девушек. Хохот, шутки. Сашка Дубов с гармонью наперевес подскочил к Пете, да закурить попросил, при этом о чём-то рассказывая и отчаянно жестикулируя руками.

Воспользовавшись суматохой, Анфиса затерялась среди горстки девушек, которые всей гурьбой пошли вдоль улицы.

Сердце Анфисы колотилось в груди. Никакие сваты ей были не нужны. Отец да мать замуж не гнали её. Добрыми они были у неё. Сами в любви полжизни прожили и дочери желали того же.

А если соблазняться на брак с Лыковым?

Анфисе дурно даже стало. Снег под её быстрыми маленькими шажками громко поскрипывал. Мороз потихоньку крепчал. Святки идут. А может, в бане погадать тайком от родителей?

Вдруг да будущее приоткроет свою завесу? Уж как сердечко её томится о том, о ком никому сказывать нельзя. Запретная любовь, что запретный сладкий плод. Смотреть можно,

а вот вкушать нельзя. Грешно.

— Попалась! — крепкие руки подхватили девушку. Анфиса от страха чуть на всю околицу не заверещала. А потом как глаза-то подняла, да как увидела, кто её к себе прижимает.

— Приехал! — так и ахнула она, торопясь прильнуть к устам того, о ком сердце болело вот уж целый год и кто мысли её девичьи собою заполонил.

Всё-всё ему сейчас расскажет. И про Петьку, и про сватов. Он мужик, вот пусть и решает проблему, если рядом с ней хочет быть.

***

Кирьяну не спалось. Слыхал он в городе о последних новостях. Смута, везде одна смута. Будь она не ладна. И кто ведь сеет её? Чернь безродная. Волю дали им, вот и лезут на рожон.

Забили дуракам мозги ахинеей всякой, а те и распустились. Головы вздумали поднять, да голос повысить.

У-у-х, собачье отребье. Всех плёткой исхлестал бы, была бы его воля.

Заскрипев зубами, Кирьян почерпнул ковшом воду и стал жадно пить. На заимке знатно повеселился, теперь вот голова раскалывалась от такого веселья. Да во рту пересохло.

Выпить Кирьян страсть как любил и чуры меры не знал в этом.

— Петька дома? Или опять шатается по селу? — сдвинув

кустистые брови к переносице, спросил Кирьян. Жену свою он чувствовал кожей и ненавидел её за это. Ходит по дому, как тень. Всё за ним следит, да молчит. Поди догадайся, что там у этой с виду монашки на уме.

Давно уж она перестала к себе его подпускать. Всё поклоны клала перед образами в каморке своей, да молилась беззвучно. И кто только с пути сбил дуру? Богомолка нашлась.

Всё тайком на посиделки свои ходила, где толпой баб святые книжки при керосиновой лампе читали.

— На дворе он, проверяет, всё ли заперто. Сам же учишь его за хозяйством приглядывать, не надеясь на других, — поджав губы и потуже концы платка затянув, ответила Варвара.

— Женить его пора. На Морозовской дочери. Она одна у них, приданое за ней богатое дадут. Готовься, мать, скоро помощницу тебе в дом приведём. Свадебку аккурат до весны сыграем.

— Великий пост идти будет, — напомнила Варвара, зная, что планирует Кирьян после масленичных гуляний сына женить.

Кирьян взглянул на жену недобро. Пост ... А когда ещёто? Сейчас, ежели? В пост негоже пир устраивать, это он понимал. Сам по большим праздникам в Церкву ходил, да лоб на виду у всех односельчан важно крестил.

— Скоро вашу эту богадельню всю разгонят, — поднял вверх свой указательный палец Кирьян, — нашли себе рели-

гиозный опиум. Ещё раз пойдёшь на посиделки, накажу.

Варвара побледнела, руки к груди прижала.

— Побойся Бога такую скверну произносить! — горячо прошептала она.

— А вот и не побоюсь. Не слыхивала разве о волнениях среди церковнослужителей? А ... Да куда там тебе. Я в городе бываю, много чего знаю. Только тебе об том не скажу. Нарушишь мой запрет, сама знаешь, что будет.

Варвара молчала, потупив глаза в пол. Если уж на Церковь гонения начнутся, тогда совсем Бога не боятся, нехристи.

Входная дверь скрипнула, впуская в горницу морозный воздух, да раскрасневшегося Петра. Увидев родителей, он растерялся. Хотел тайком в избу пробраться, да спать скорее лечь. Анфиску из виду он потерял, и пришлось несолоно хлебавши домой идти.

— Где ходишь, шельмец? — прорычал Кирьян. — В город завтра поедешь со мной, в лавку. Пора к семейному делу приобщаться, потому как свадьбу тебе сыграем совсем скоро. К грядущей субботе сватов к Морозовым зашлю.

Для пущей убедительности стукнул Кирьян крепко сжатым кулаком по столу. И пусть только попробует дочка Морозовская отказать им. Кирьян такого унижения не потерпит.

Глава 3

— Папка приехал! — полусонная Танюшка бросилась к отцу. Было раннее утро, в избе холодина. Она как раз по-

раньше встать решила, печку растопить. Дед наготовил со вчерашнего вечера дровишек да лучину.

И уж никак Танюшка в такую рань отца не ожидала увидеть. На шум вышла, шаркающей походкой, бабушка. Обмотанная шерстяным платком, грея свою больную поясницу, да в чунях, она подслеповато щурилась, сразу-то сына не признав.

— Егорка, ты ли, чё ли? — всплеснула она руками и тут же засуетилась, посудиной загремела, крикнув деду вглубь просторной залы, чтоб вставал.

С печи свесила ноги сонная Ольга. Она к отцу в его крепкие объятия не спешила. Чай, не маленькая, а взрослая девица-то уже. Это Танюшка вон всё как дитё себя ведёт. А ей, Ольге, не пристало. Она уж почти девица на выданье.

Егор был рад оказаться дома. Долго из города добирался. Дороги замело все. Ни на санях не проехать, не пешком ни пройти.

— На чём прибыл в такую рань? — спросил, прокряхтев, дед. Ревматизм, будь он не ладен, по утрам ноги-руки сковывал. К обеду растопчется Антип, вроде и ослабевала скованность да ноющие боли в старческих суставах утихали.

Тяжело опустившись на коленки, он двёрку распахнул, лучину сунул внутрь, дровишки крест на крест уложил, да и поджёг.

— Сейчас изба натопится, тепло будет. Спрыгивай, Олька, с печи-то, папку встречай. Почто как неродная глядишь

исподлобья? Сладу с тобой совсем в последнее время не стало. Вот я отцу-то расскажу о твоих чудачествах-то.

— Угомонись, дед. Егорка только в дом вошёл. Охолони, сходи на двор. Скоро уж собираться тебе.

Антип дома не сидел. В колхозе трудился, на хорошем счету всегда был. Хоть и старый уже, а дома не сиделось ему. Всё боялся, что если совсем из колхоза по старости уйдёт, то дома загнётся с тоски.

— Да я вчера с председателем доехал. Его дедка Митяй на санях из райцентра вёз, а тут и я попался им по дороге. Доброе дело сделали, довезли.

Нюра, успевшая тесто замесить, покосилась на сына-то.

— А чего ж домой-то сразу не явился? Где ночь провёл?

Егор разделся, валенки возле печи поставил. Большой и крепкой рукой волосы пригладил. Мать не обманешь, подозревала она уже что-то, да и разговор вчерашний расстроил его. Чуть позже он хотел к решительным действиям приступить, да, видно, сейчас пришла пора.

— Во времянке Никифора ночевал. Сам он в ночь сторожить ушёл — Егор замялся. К чему этот допрос, да ещё при девчонках? Мать нашла тоже время.

— Один ли? Али с кем ещё ночевал? — проницательно глянув на сына, снова спросила Нюра.

Егор стушевался, покраснел.

— Мать, ну что ты вопросами засыпала? Меня ещё ругала, что, мол, к сыну пристал, а сама? Ну-ка давайте нам на стол

соберите, а мы покуда с Егоркой на улку выйдем, потолкуем о последних новостях в городе.

Антип увёл сына на двор. Он тоже всё знал. Любая тайна ведь, её сколько не скрывай, всё равно наружу выйдет.

— Кабы ты, Егорка, беду на свою голову не накликал. Мало того, что молодая совсем зазноба твоя, так ещё и вроде как Петра Лыкова невеста она. Дворов у нас тут по пальцам пересчитаешь, так что любые новости распространяются быстро.

— Знаете с матерью и молчите? — насупился Егор — то, что молодая она у меня, не беда. Главное, что любит и меня, и девчонок моих. Лучшей мачехи не сыскать для них. В город ведь хочу забрать их. Чтоб образование получили, мужей достойных нашли. Что они тут видят? Кирьян из года в год всё свирепей становится. Лютует по округе, и управы нет на него. Пока сюда перемены доберутся, многим он кровь успеет попортить.

Антип тяжко вздохнул, газетку достал, оторвал сколько нужно, да и всыпал табаку.

— Так-то оно так. Да только мачеха, как ты её уже назвал, немногим старше дочек твоих. Как людЯм в глаза-то смотреть? Да и Морозовы. Разве позволят они единственной дочери такое ярмо на шею повесить? Не для того они рОстили её.

— Отец, всё понимаю. И Анфиса тоже. Но сердцу ведь не прикажешь.

— А я думаю, блажь это всё — возразил сыну Антип — ну какая жизнь у вас будет? Вот с Ульяшей-покойницей была у вас семья, а с этой что? Молодая, кровь с молоком. Да она намилуется с тобой, а потом хвостом вильнёт, только и видали её. А ну как соблазнится на предложение Петьки Лыкова? Ведь семьями давно дружат. Мы простой люд, Егорка. Не для таких важных особ родились на свет. У нас своё, у них своё. Всегда было разделение и будет.

— Да не будет скоро так! — ударил кулаком в ладонь Егор — советская власть всех сравняет. И кулачество скоро истребят. Недолго Кирьяну лютовать осталось, как все скоро будет.

— Не знаю, как тут рассудить — произнёс Антип — прежде подумай хорошенько. Морозовы, конечно, не Кирьян Лыков, но убедить их отдать за тебя Анфису будет тяжело.

Антип вернулся в избу, а Егор ещё долго стоял на порожке, топтался, да вдаль смотрел. Жениться на Анфисе ему как можно скорее надобно, ведь пожаловалась она, что Лыковы сватов заслать к ним хотят.

Только прежде с дочерьми переговорить нужно. Подготовить их к грядущим переменам.

***

Анфисе от матери досталось за то, что с петухами домой явилась.

— А ну скорее к себе, пока отец спит — громким шёпотом

произнесла Пелагея Димитриевна - узнает, задаст тебе, мало не покажется. Где шаталась? С кем? Неужто с Петькой? С Лыковым?

Анфиса глаза опустила стыдливо, щёки её смущённым румянцем зарделись. Решилась она в эту ночь на то, на что благовоспитанная девица ни за что не пойдёт. Но только так она с Егоркой вместе могла быть.

— Не с Петькой, мама — еле слышно произнесла она.

Пелагея, охнув, так и присела на скамью. Ходил слушок, конечно. У них здесь ничего утаить нельзя. Да вроде в городе Егор-то. Потому и не верила всем этим сплетням бабьим Пелагея, окорачивая языки их поганые резкими словами. Они вроде умолкали, а за спиной-то всё равно шептались. Ой, какой позор. Какой позор. С вдовцом, старше себя, да с двумя дочерьми, которые младше самой Анфисы лет на пять всего!

— Мама, мам ... Не серчай на меня и папеньке пока ничего не говори! Люблю я Егорку, сильно люблю! — бросилась матери в ноги Анфиса. Бурные рыдания обрушились на девушку с головой. Не могла она представить себе, что с Егором их жизнь разведёт. Жизни тогда не будет ей. И свет не мил.

Пелагея Димитриевна стала белее полотна. Доченьку свою они с Фёдором Силантьевичем шибко любили, да баловали. Но вряд ли Фёдор одобрит выбор дочери. С Лыковым давно он уже сговорился детей поженить.

— Ох, что ты натворила ... Что же будет-то теперь? - за-

крыв рот рукой, покачала головой Пелагея.

Глава 4

Фёдор Силантьевич сдвинул кустистые брови к переносице и, вжав легонько кулаки в стол, уставился в окно.

— Намедни сваты от Лыковых пожалуют. Будь готова, Анфиса. Ты станешь супружницей Петра, и точка — медленно, но твёрдо, чеканя каждое слово, произнёс Фёдор.

— Но, отец! — рванулась было к нему девушка, да мать попридержала за рукав платья. Глазами приказала молчать и отцу не перечить.

— Я с Кирьяном давно за вас с Петром договаривался. Ещё когда вы поперёк лавки оба умещались. Пётр парень крепкий, рукастый. Далеко пойдёт. Богатств у них на несколько поколений припасено. Как у Христа за пазухой будешь с ним. А ты что? — Фёдор полуобернулся к дочери и испепелил её взглядом своих светло-серых глаз — али кого другого приглядела?

В голосе отца послышались недобрые нотки. А проницательный взгляд вызвал страх в душе Анфисы. Отец всегда с ней был добр. Но если что не по нём было, то и наказать мог.

Бить не бил никогда. Однако тона голоса достаточно и взгляда. Сказано было Анфисе, что если не Петька Лыков, то к тётке двоюродной, в скит отправится и будет послушание там нести.

Человеком был Фёдор не особо набожным, придерживался той стороны, куда ветер дул. Но чтобы дочь уберечь или

наказать, готов был её свободой пожертвовать.

Как же Анфиса мечтала правду сказать! Да не могла. Она тайно хотела с Егором в город сбежать. Вот только дочек своих он по весне перевёз бы туда. Потому и расстроилась, что Петька со свадьбой торопится.

— Фёдор, ну что ты на девчонку насел? Не видишь разве, боязно ей — мягко улыбнулась Пелагея — и мне так же было боязно, когда за тебя замуж шла.

Взгляд Фёдора смягчился. Махнул он дочери рукой, подозвав к себе.

— Я ... Я просто весной хотела. Тепло, цветёт всё кругом — дрожащим голосом произнесла Анфиса и, прильнув щекой к отцовскому сюртуку, замерла.

Фёдор, опустив свою тяжёлую руку на голову дочери, вздохнул:

— Не хочет Петька боле ждать. Да и Кирьян торопит. Не могу я им указывать, дочь. Не совсем хорошо дела у меня идут. Кирьян помочь обещался.

Анфиса молча слушала отца, глотая непрошеные слёзы. Вот оно значит как? Благополучие в торговле для отца дороже счастья единственной дочери?

Но разве ж посмеешь с ним сейчас спорить? Придётся сватов принять со смирением и покорностью. Пока договорятся, пока обсудят, когда удобнее молодых обручить.

Анфиса надеялась хоть немного времени выиграть. Егор должен что-то придумать! Может, он не будет ждать весны

и сейчас девчонок в городе устроит?

Там гимназия имеется. К чему им в сельской школе прозябать? Танюшка у него вон какая умная, а Ольга не только умная, но и хитрая растёт.

Выиграть время не получилось. Егору срочно в город понадобилось уехать. Лишь записку короткую в руки Анфисе смог сунуть.

Она её при свете керосиновой лампы у себя в огороженной ширмой из занавесок спаленке прочитать смогла и, уткнувшись после этого в подушку, разревелась.

Егор прямо не писал о своих делах в городе. Но намекнул, что состоит где-то. Что серьёзно всё и не может он пока ни Анфисой, ни девчонками рисковать.

От злости и обиды искусала девушка все губы свои в кровь. Ей-то что теперь делать?

Сосватана она. Всё. Свадебные гуляния запланированы на масленичной неделе. Хоть бери котомку и из дома. Только куда? Кругом поле снежное, да лес густой.

А к концу зимы поняла Анфиса вдруг, что понесла. Испугалась она, сама не своя стала ходить. Исхудала, бледная. Как тень по дому передвигается.

— Ну-ка в глаза мне посмотри? — потребовала как-то мать — чего взгляд отводишь? Думаешь, не поняла я, что тяжёлая ты?

Впервые в жизни подняла Пелагея руку на дочь. Отхлестала так по щекам, что в голове у Анфисы зашумело.

— Это так мы тебя с отцом воспитывали, да? Ох!

Не выдержав, Пелагея из горницы выскочила, громко хлопнув дверью. А Анфиса, дрожа, как осиновый лист на ветру, ожидала своей участи, бездумно схватившись за вышивку и из-за поступающих слёз не видя неровности мелких стежков.

***

Размахивая портфелем, Оля бежала по обледеневшей тропке, оставив сестру далеко позади. Таня раздражала своей медлительностью. Вечно что-то копается. Так получилось, что учились они в одном классе, несмотря на разницу в годах. Ольга в детстве болела часто, а потому в первый класс пошла вместе с сестрой.

Последний год доучивались в седьмом классе и потом папка обещал их в город забрать.

Бойкая Ольга и рассудительная Таня были как тёмное и светлое меж собой. Ни по характеру, ни внешне не похожие друг на друга, их и дружными назвать было нельзя.

Тропинка от школы уходила на высокий пригорок, за которым расстилалась заснеженная степь, а вдали улица на восемь домов, среди которых и дом бабы Нюры с дедкой Антипом.

Весной, когда всё цветёт, от красоты вокруг всегда дух захватывает. Всё-таки красиво у них в Михайловке. Даже грустно отсюда уезжать в незнакомый и шумный город. Но папка настроен твёрдо. И Ольгу, и Танюшку в сельскохо-

зяйственный техникум обещал пристроить. Не сразу. Туда с шестнадцати только берут.

Ольга втянула носом морозный воздух. Горы, хвойный лес. Глубоководная река протекает между скал. Луга, поля. Вон там колхоз виднеется за сельским клубом, чуть поодаль почти на самой окраине села богатое имение Кирьяна Лыкова, которое скрыто было от посторонних глаз высоким частоколом с резными широкими воротами на въезде.

Перемещался по селу Кирьян в карете летом, а зимой на санях. Всегда Ольга издалека засматривалась на имение Лыковых, мечтая хозяйкой туда войти.

Только суждено ли мечтам сбыться, когда Лыковы к Морозовым сватов заслали? Всё село гудело о предстоящих свадебных гуляниях.

— Опять мечтаешь? — Таня незаметно подошла сзади. Ей тоже было грустно. Петька Лыков всем девицам нравился, да не всем он по зубам. И его скорая свадьба с Анфисой Морозовой тоже расстроила впечатлительную и романтичную Танюшку. Зато с сестрой соперничества теперь не будет. Петька ни одной из них не достался.

Таня от своих мечтаний быстро открепилась. Маленькая она ещё, вся жизнь впереди. Будет и любовь, и юноша появится ей по возрасту. А вот Ольга отказаться от своих чувств к Петьке не могла. Ревность точила всё её существо изнутри. Анфису Морозову всей душой она ненавидела и втайне желала самого крепкого зла. Грешно, как сказала бы

баба Нюра другому человеку зла желать. Но только ничего с собой поделать Оля не могла.

— Мечтают только бездари и глупцы. А я не мечтаю, я планы строю, которые непременно осуществлю — заявила Ольга.

Танюшка фыркнула, весело посмотрев на сестру.

— И каким же образом ты осуществишь свои планы? Может, свадьбу Петьки Лыкова сорвёшь?

Карие, почти чёрные глаза Ольги загадочно заблестели.

— Может, и сорву. Не твоя печаль. Помалкивай и учись, как в жизни своего добиваться нужно. Любым путём. О других толку нет думать, ты же свою жизнь живёшь, а не их.

Таня перестала улыбаться. Не нравились ей такие разговоры.

— Ты, Олька, угомонись лучше и папку нашего не подставляй. А то ведь твои планы и злые помыслы против тебя же и обернуться могут.

Обернувшись к сестре, Ольга со всего размаху треснула ей так, что та упала на обледенелой тропинке и, заскользив, покатилась вниз, разодрав себе коленки через шерстяные тонкие чулки. Слёзы брызнули у девочки из глаз. Задрав голову наверх, она увидела, что Ольга смотрит на неё с высоты и злорадно ухмыляется.

Страх сжал сердце добродушной Танюшки. Что же из Ольги дальше-то будет? В кого она злой-то такой уродилась? Кое-как встав на четвереньки, Таня поднялась на ноги и,

отряхнув валенки от снега, осторожно пошла к дому.

Предчувствие какой-то беды не отпускало, как бы Танюшка не гнала от себя беспокойные мысли.

Глава 5

— Да уйди ты! — Анфиса с силой оттолкнула от себя Петра. Водкой от него разило за версту. Здоровенный, как медведь. В овчинном тулупе. Всклокоченный, с налитыми кровью глазами, Пётр, пошатываясь на одном месте, уставился на девушку.

— Всё равно моя скоро будешь — прохрипел он, намереваясь снова заключить Анфису в свои объятия.

Будь он неладен! У Анфисы дух захватило от сковавшего её страха. Ведь совсем тут одни, в тёмном переулке, поздним морозным вечером.

Понесла её нелёгкая к подружке своей сбегать, к Алёнке. И ведь та проводить вызвалась, да только Анфиса отмахнулась, уверив подружку, что и так добежит. Недалеко же.

Кто бы знал, что Петька будет тут её поджидать!

— Вот когда буду, тогда и распускай руки. А пока прочь с дороги, Петька. Не доводи до греха!

Голос Анфисы дрожал. Снег предательски поскрипывал под её ногами, когда она назад пятилась, намереваясь, если потребуется, бежать обратно, до Алёнки.

Петька же пьяный! Поди догадайся, что там у него на уме.

— До греха ты уже довела — прорычал Пётр одним резким движением притянув девушку к себе мёртвой хваткой

— думаешь, сплетни не дошли до меня? В сторону Егора Пахомова глазищами своими стреляешь? Отвечай! Правду люди брешут или врут?

— Не люблю я тебя. Уйди ты от меня, уйди! И Егор тут ни при чём. Отец заставляет за тебя замуж идти, а сама я не хочу. Ну что ты не человек, что ли? Не можешь понять, что жить с нелюбимым - это как перестать дышать?

Петька ослабил хватку. Задышал тяжело. Было слышно, как от злости зубами он скрипнул.

— Это почему же ты, Анфиска, не любишь вдруг меня? Росли вроде вместе, бок о бок. Всегда знали, что повзрослеем и поженимся. Врёшь про Пахомова? Ведь врёшь же?

Вне себя от накатившей ревности Петька рукой взмахнул с крепко сжатым кулаком.

— А! — вскрикнула Анфиса, едва успев увернуться, от удара. Она упала в снег на коленки и поползла было, как Петька вдруг за шиворот тюбетейки её схватил и рывком на ноги поднял.

— Вечер добрый — раздался из темноты девчоночий голос — а чего это вы тут?

Анфиса, воспользовавшись замешательством Петьки, увернулась из его цепких рук и, прошмыгнув мимо него домой скорее побежала.

— А ты чего тут шастаешь, мелочь? — ругнулся Пётр, всматриваясь в лицо Ольги Пахомовой. А девица-то выбилась. Ещё прошлым летом егозой малолетней бегала, а сей-

час от взрослой девушки не отличишь. Кровь с молоком.

Глаза, словно угольки чёрные-пречёрные, щёки румяные с мороза, уста алые чуть приоткрылись, обнажая крепкие белые зубки.

Нашло на Петьку что-то. То ли с пьяных глаз уже и про Анфису позабыл. К Ольге навстречу шагнул, да крепкой рукой плечо её сжал.

— Не шастаю, а дедку ходила провожать. Сегодня в ночь он амбары колхозные караулит.

— А то боле некому — усмехнулся Пётр, подхватив Ольгу под руку и намереваясь проводить её.

У той от радости и близости любимого в груди от волнения всё спёрло. Все наказы и наставления бабы Нюры из головы вылетели. Когда такое счастье приключилось, разве до жеманства и соблюдения всех приличий?

Тропка, которой пошли, обледенела. То дождь, то снег накануне шли. Ярко-жёлтая луна вышла из-за туч, освещая обоим путникам дорогу.

Хоть бы Танюшка не проболталась, мысленно не молила, а приказывала Ольга. Никакого дедку она не провожала. Из-за того, что Танюшка коленки ободрала себе, бабушка старшей сестре нагоняй дала.

Ольга, разозлившись, дождалась, пока бабушка с дедом заснут, и в клуб улизнула. Она всего один раз была, а так понравилось ей, как на гармони Филипп наигрывает, а Света Степанова поёт.

Потом неизменно пластинку ставили, и звучный голос Натальи Орловой напевал задушевный романс.

Ольга млела, особо не выпячиваясь никуда. Кто постарше, её и вывести. Мала она ещё по танцам-то бегать.

Да только Ольге так отчаянно Петра увидеть хотелось, что сейчас она шла следом за ним ни жива, ни мертва.

— Знаешь про Анфиску чего? — обернулся вдруг Пётр, дыхнув на Ольгу голимой водкой.

— Знаю — осипшим голосом ответила девушка — слышала я случайно разговор отца и деда.

И что? Ольга, зажмурив глаза, решила всё Петьке рассказать, подумав, что если он всю правду об Анфисе своей узнает, то жениться непременно передумает.

***

О беременности Анфисы догадался и отец, когда её почти накануне свадьбы вывернуло наизнанку. Вгляделся Фёдор в дочь-то, цепкими пальцами подбородок её обхватил.

— Егорка Пахомов? Он? — процедил Фёдор, еле сдерживая гнев.

— Он, он! Люблю я его. Всю душу за него раздам. Хочешь, из дома выгони, а хочешь, приколоти. Нет мне жизни без Егора, и не смогу я с Петькой Лыковым жить. Уж лучше смерть!

Войдя в избу, Пелагея всплеснула руками. И правда. Всё тайное когда-нибудь становится явным. Вот Анфиска дура. Ведь учила же её, чтобы, как с Петькой поженятся, не чудила

бы. Ведь срок-то малый совсем, и за дитё от Петьки вполне выдать можно было бы.

И в кого Анфиска такая неумная?

Отвернувшись от дочери, Фёдор полоснул по жене разъярённым взглядом и вышел, стукнув с силой входной дверью.

Постоял он немного на крыльце, пытаясь мысли разбушевавшиеся утихомирить. Негоже в таком состоянии дела решать. Эмоции плохой советчик.

— Фёдор Силантьевич, в город? — крикнул со двора Савелий, который подвязался прислуживать богатому купцу Морозову.

— Обожди — Фёдор спустился со ступенек и приказал — готовься. К вечеру, как стемнеет, выдвинемся в путь.

— Далеко ли, Фёдор Силантьевич? — Савелий уставился своими какими-то водянистыми глазами на хозяина.

— Опосля узнаешь — сказал, как отрезал Фёдор и, выйдя за ворота, пешком пошагал к имению Лыковых.

***

— Где ты была полночи? Я из-за тебя уснуть не могла! — допытывалась Танюшка у сестры. Ведь возле окна просидела она до двух часов, до рези в глазах в окно всматриваясь и прислушиваясь к мерному сопению бабушки Нюры да негромкому храпу деда Антипа в соседней комнате.

— От бессонницы надо было бабушкины святые книжки почитать. Вмиг сон сморил бы — нисколько не смутившись,

ответила Ольга.

— Тогда кто бы щеколду тебе на двери отпереть смог бы? Бабушка или дед? Ты, Олька, по краю ходишь всё. Как бы беды не накликала.

— Помолчи. Правильная ты наша! Смотрю, рада была бы такой мачехе, как Анфиса Морозова?

— Что? — побледнела Танюшка — что за ересь ты городишь?

— Не ересь, а правду. Пока ты как блаженная живёшь, вокруг тебя другая жизнь кипит. Только ленивый не слыхал сплетни про папку нашего и Анфиску. До Кирьяна Лыкова дойдёт, вообще с лица земли нас всех сотрёт.

Танюшка замолчала, вытаращив глаза. Папка и Анфиса Морозова? Но как? Разве так бывает? И что же будет теперь?

Глава 6

— Больна-а? — протянул Кирьян, как-то с недоверием посмотрев на сидящего перед ним Фёдора Морозова.

Расположились они в просторной горнице. Жена Кирьяна им на стол быстренько собрала, да и вышла на улицу.

Петра дома не было. И Фёдор мысленно порадовался, что никто не помешает его разговору с Кирьяном.

— Приболела, да. Посему со свадебкой-то повременить придётся. Анфиса моя единственная дочь. Хворь она, знаешь ли, внезапно приходит, когда человек её не ждёт. Горячка у Анфиски, худо ей совсем. Повезу её в одно место, там всю хворь сымут. И тогда поженим наших детей. Даст Бог,

к лету.

Насупив брови, Кирьян обдумывал слова Фёдора. Чуяло его нутро какой-то подвох во всём этом. Девка кровь с молоком, какая хворь?

Недавно только видал её, по снегу хрустела шажками своими крепкими. Платок пуховый, щёки что яблочко наливное, глаза блестят.

Внимательно посмотрев Фёдору прямо в лицо, Кирьян медленно произнёс:

— Добро. Лечи свою Анфиску, пусть выздоравливает. А я с Петром поговорю. Обождёт, никуда не денется.

Только возле своего дома Фёдор выдохнул. Кирьян мужик жёсткий, мстительный. Что если не по нём, то хлопот не оберёшься. Слыхал Фёдор, что в местной банде шакалов он во главе стоит, которые по сёлам орудуют да злобствуют на подворье обычного люда. А девок сколь поперепортили на заимке Лыкова?

Зол был Фёдор на дочь. И на Егора Пахомова. Ведь хороший мужик, работящий, вдовец с двумя девчонками. Зачем девицу невинную попортил? На что рассчитывал?

И Анфиска тоже хороша. Если баба вольностей не позволит, то мужик не прикоснётся.

Под тяжёлыми шагами Фёдора проскрипели половицы в тёмных сенях. Рывком распахнув дверь, он увидал испуганное лицо дочери. Жалость к своей кровинушке сердце любящего отца сжала. Да назад пути нет. Лыков не отступит. И

отказа не примет.

Успокаивал себя Фёдор, что, выйдя замуж за Петра, ни в чём отказа Анфиса знать не будет. Зажиточные они, богатства на несколько поколений накоплено.

Да и Петька любит Анфиску. Невооружённым глазом видать. А если любит, то значит, не обидит.

— Собирайся. Поедем к тётке твоей, в скит. Рожать там будешь, подальше от любопытных глаз. С Лыковыми я переговорил. Свадьба до лета откладывается.

— Не пущу! Чего удумал? — Пелагея загородила дочь собой, упрямо поджав губы. Мысли Фёдора были ей ясны, как Божий день. Внутри всё похолодело. Ведь невинное дитя матери лишить хочет.

— Лучше уйди — тихо, но убедительно произнёс Фёдор и так посмотрел на дочь, что Анфиса, опустив голову, пошла одёжу собрать. Не к чужим она едет, к тётке родной. Анфиса о дурном не думала, отец просто уберечь её хочет, время выиграть. Может, придумал что?

Если бы он не зависел так от Кирьяна, то и свадьбе этой ни за что не бывать.

— Тётушку Марию слушайся. Она женщина строгая, но справедливая. Прикажет послушание нести, не перечь — наставляла Пелагея свою дочь возле ворот.

Свечерело. Решили на санях отправиться. Савелий заранее и лошадей запряг. Фёдор в сани меха побросал, два небольших сундучка поставил. Повозка большая, вмести-

тельная. Сестру-то отблагодарить надобно, чтоб за дочерью его единственной присмотрела.

— Ну, с Богом — Фёдор обнял жену, перекрестился и уселся в сани. Дорога дальняя, к утру должны обернуться. А потом ему обратно возвращаться. Дня три-четыре его точно не будет.

В городе своему приказчику дал наказ. Чтоб присматривал за товаром, да не болтался без дел.

— Езжайте с Богом. Всё сладится. Всё хорошо будет.

Пелагея перекрестила мужа с дочкой и долго ещё стояла возле ворот, всматриваясь в даль, пока глаза не заболели. Уж не видно саней было. Тьма - хоть глаз коли.

Закрыла она ворота, проверила всё и в дом. В углу за занавесками святые образа висели, да тихо горела лампадка.

Встала Пелагея напротив ликов святых, да и замерла. Слёзы вдруг глаза застлали. Почудилось ей, что с этого дня привычный их уклад жизни будто дал трещину. Сердце от тяжёлого и нехорошего предчувствия заходится в груди.

***

Егор метался по тюремной камере. Схватили его в самый последний момент, когда он уже подумал, что ушёл от хвоста.

Ну как же так? Его же теперь не выпустят. Он же из той самой "шайки", как их в городе прозвали. Целую охоту за ними устроили. Как же! На самое святое посягнули, на советскую власть. Критиковать вздумали, листовками мирное

население снабжать, да смуту сеять.

Опустившись на нары, Егор за голову схватился и мучительно размышлял о том, что его ждёт теперь и как он дочек своих подвёл, родителей пожилых, а самое главное — Анфису!

Ведь ребёнка она ждёт от него, и Егор так мечтал, что это будет сын!

Горькая обида поселилась в душе. Он знал, на что шёл, предупреждали его. Но он всегда осторожным был. Видно, сдал кто-то. Вот бы предупредить как-то, что среди них предатель подлый завёлся.

— Пахомов! — дверь в камеру с лязгом отворилась — на выход.

Вот и всё. Сейчас "колоть" начнут. Наслышан был Егор об их методах. Интуитивно за крестик схватился, который мать ему дала. Хоть бы выдюжить. Хоть бы не сломаться. Больше ни о чём пока не думал.

Чуть пригнувшись, вышел Егор из камеры в холодный мрачный коридор.

— Руки за спину, лицом к стене — приказали ему.

Сердце гулко застучало в его крепкой груди. Краем глаза осматривался. Вот бы сбежать отсюда как-нибудь. Но как?

***

Пётр снова напился. Не согласен он был с тем, что свадьбу без его ведома отложили.

— Почему меня на разговор не позвал? — подступился

он к отцу.

Тот глянул на него недобро.

— И чтобы ты решил? Сказано тебе, больна Анфиса. Увёз её Фёдор куда-то, чтоб всю хворь вывести. Тебе здоровая и крепкая жена нужна. Я внуков жду здоровых. Да не одного. Пустоцвет в снохах мне не нужон.

Мать что-то пряла в просторной зале, да напевала тихо. А сама, видно, прислушивалась к разговору мужа и сына. Горячий больно Петька, кабы отца не обозлил против себя. Ведь Кирьян сам всегда всё решает и не терпит, если кто-то против его воли идёт.

— Да брешут они! — крикнул Пётр, стукнув по столу кулаком — Анфиска замуж за меня не хочет, вот и придумали отговорку.

Кирьян опасно сощурил глаза.

— Ты бы, сынок, не обвинял бездоказательно. Зачем Фёдору мне врать? Он знает, что зависит от меня.

Сказать - не сказать? Пётр собрался с духом.

— Какой смысл? А такой. Анфиска, говорят, с Егоркой Пахомовым снюхалась — не выдержал он. Не хотел отцу говорить, да без его вмешательства не обойтись.

— И кто говорит? — опасно прищурив глаза, спросил Кирьян.

— Да бабы языками чешут. Видели, мол, их вместе пару раз.

— Ну, видеть одно, а знать другое. Ты поменьше, Петь-

ка, сплетни слушай, а лучше учись хозяйством управлять. Да бдить денно и нощно. А то не ровен час придут и изымут всё кровно нажитое. Вот об этом думать надо. А ты ересь всю в голову берёшь. Никуда твоя Анфиска не денется. Поди на двор, охолони.

Когда дверь за сыном закрылась, Кирьян с лавки вскочил и заходил взад-вперёд, раздумывая да бороду свою поглаживая. Решить надобно проблему-то. Своими методами решить.

Глава 7

— Оставляй. Присмотрю — проскрипела Марья. Старая она уже была. Сухонькая вся, сгорбленная. Лицо с кулачок, глаза бесцветные, губы тонкие.

Анфису она окинула пустым равнодушным взглядом, от которого у той мурашки по телу побежали.

— Поговорить бы. С глазу на глаз — Фёдор откашлялся, не глядя на дочь.

Марья, несмотря на своё сухонькое телосложение, однако зычным голосом позвала кого-то из своих. Анфису увели.

— Ну? Что хотел такого важного наедине сообщить? Ты, Фёдор Силантьевич, не темни. За подарки спасибо, нашей общине очень кстати твоя помощь. А вот в остальном ... По глазам твоим вижу, что девка твоя порченная и от людского позора ты тут решил её укрыть. Ребёнок, так понимаю, не нужон?

Фёдор присел, важно бороду пригладил. Прищуренным

взглядом келью Марьи окинул. Иконы, свечки горят, стопка святых книг. Таких ветхих, что того и гляди рассыплются в руках.

— Правильно мыслишь, Марья. Партия для Анфисы хорошая имеется, да вот сама она у нас слишком набалованной оказалась и своевольной.

— Так рожали бы поболе детей, глядишь, и некогда твоей Анфисе балованной-то быть было бы, да своевольной. От меня что хочешь? У меня здесь баловства нет и поблажек, как племяннице, давать ей не буду. Как все пусть трудится.

— Пусть трудится, я не против. Зато потом, как заберу, станет ценить то, что само в руки к ней идёт. А младенец ... Сама решай, что делать.

Марья сипло рассмеялась.

— Ох и хитёр ты, Фёдор. Чужими руками хочешь дочь от позора избавить. Чистеньким желаешь выйти и не брать грех на душу?

— Марья, ты своими разговорами этими меня не стращай. Я не приказываю избавиться. Может, в семью какую пристроишь или сами воспитаете. Анфиска себе ещё родит. В браке теперь уже. А этот приплод ... Не нужон. Вот весь мой сказ.

Фёдор уехал на рассвете. С дочерью шибко прощаться не стал. Всё равно скоро за ней вернётся.

Ещё раз только напомнил, чтоб тётушку слушалась и норов ей свой балованный не показывала.

— Спать со мной будешь, в одной комнате — Марья пристально смотрела на племянницу — раз отец тебя оставил под моим присмотром, то и буду теперь присматривать. Сейчас зима пока, из избы как зря высовываться не нужно. Помогать мне станешь. Старые молитвословы с церковнославянского перепишешь начисто понятным разборчивым почерком. Это и будет твоё послушание на весь почти срок.

— Хорошо — потупив взгляд, согласилась Анфиса. Работа предстояла кропотливая, но всё же лучше, чем домогательства Петьки Лыкова и свадьба с ним.

Об Егоре душа болела. Где он? Как? Теперь и весточку ему о себе никак Анфисе не передать.

О том, что с дитём будет, пока не думала. Но если потребуется, то она готова с ним здесь остаться. Разве бросит она свою кровиночку? Да ни за что на свете, и пусть отец что хочет делает. Она будет стоять на своём.

***

Ольга с Танюшкой прижимались друг к другу и тряслись от ужаса. Ночью их изба сгорела. Дотла. Дедка Антип и баба Нюра выбраться не смогли.

Вся деревня сбежалась, кто чем помогал тушить. Вёдра таскали с водой из колодца. Да толку ... К утру пепелище одно осталось.

Ольга с Танюшкой в чём были в окошко выпрыгнули. Дедка помог. А когда за бабой Нюрой поспешил, то и затрещала хлипкая изба, сложившись, как карточный домик.

— Э-эх ... — с горечью произнёс Захар и, взглянув на девчонок, к себе их позвал. Куда же их? Егору в город надо весточку послать о случившейся беде, Анне. Уж кто-нибудь из них да возьмёт Ольгу с Танюшкой.

***

— Иди, щ-щенок — прошипел сквозь зубы Кирьян, взашей затолкав своего сына в избу на заимке. Обернувшись, хищным взглядом осмотрелся. Лес кругом, высокие сугробы.

Пётр в тёмных сенях, споткнувшись обо что-то, распластался на холодном дощатом полу.

— Вставай, лихоимец, подымайся, сволочь — приговаривал Кирьян, схватив сына за ворот овчинного тулупа. Он втолкнул его в жарко натопленную горницу, где Савелий возле небольшой печурки сидел и дровишек подбрасывал.

— Пошёл прочь — прорычал на него Кирьян — и смотри там, чтоб никто чужой и близко не подошёл. Теперь же разбираться начнут, выяснять, искать. У-у-х!...

Крепкий кулак вновь замахнулся на сына, но Петька так был пьян, что совсем лыка не вязал.

— Дал Бог сына — сквозь зубы процедил Кирьян и, уперев кулаки в стол, он уставился в покрывшееся морозной коркой окно, тихим голосом спросив — чего тебе не хватало, подлец? Отца под монастырь решил подвести? На меня и так все смотрят косо, того и гляди как ополчатся всем скопом, и манатки свои собрать не успеем. В городе волнения, опять

низы подымаются супротив власти. А политические эти - то ещё зверьё. И ты! На кой чёрт ты это сделал?

Пётр мотнул головой, шевеля толстыми губами, пытаясь хоть что-то сказать.

— Я ... Из-за Анфиски. И Пахомову Егорке отомстить ...

— Старуха с дедом при чём? Девки? Неужто гниду я такую воспитал?

Пётр вдруг с топчана вскочил, глаза бешено выпучил. Будто и не был минуту назад вусмерть пьян. Или притворялся?

— А ты сам-то? Чем хорош? Думаешь, не знаю я ничего о вашей банде и делишках?

Кирьян со всего размаху отвесил сыну пощёчину.

— Заткнись, щегол. Не твоего ума энто дело. А ну тулуп свой скидавай и ложись. Я двери запру, и чтоб тихо здесь сидел, пока волнения в деревне не улягутся. Нет тебя, уехал ты. Всё понЯл?

Пётр ничего не ответил. Гуд в голове стоял, туман. После того, как Ольга Пахомова про отца своего да Анфису рассказала, будто помутился рассудок у него. Напился да сгоряча и натворил делов.

Беспробудным сном уснул Пётр, понадеявшись, как всегда на отца. Уж тот прикроет его в случае чего. А вот Анфиса то, что так далече уехала, да не попрощалась даже с ним, очень его обозлило. Ведь всё равно женой его станет, куда бы не уехала. Отец-то её шибко от его отца зависит.

***

Анна была на сносях, родит вот-вот. Долго пыталась забеременеть, не получалось никак. И к докторам обращалась, и к знахарям тайком от мужа ездила. А тут вдруг чудо произошло, незнамо как так получилось.

Оберегала себя Анна, лишний раз из дома глаз не казала. Муж ей в подмогу помощницу по дому нашёл, чтобы ничем лишним она себя не нагружала. Любил ли её Семён? Трудно сказать. Сам-то он городской, из бывших дворян произошёл. Только тщательно об этом скрывал, подчистив свою биографию. При его службе на государственной должности настоящая родословная всплывать не должна.

Да и от той родословной разве что матушка осталась, которая жила неподалёку от них и частенько навещала Анну, тщательно осматривая каждый угол в их квартире. Если что не то замечала, тут же не преминула придраться.

Не любила она Анну и считала, что её сын должен был городскую девушку себе подыскать, а не жениться на деревенской девице, у которой в родословной одни крестьяне. Новость о скором пополнении Агата Алексеевна Шумская приняла скептически и особой радости не выказала.

Поэтому, когда поздно вечером хлопнула входная дверь и в гостиную вошёл разъярённый Семён, Анна, едва взглянув на его лицо, вжалась в спинку кресла. Она вышивала как раз, и её это занятие весьма успокаивало, а то нервы что-то с беременностью совсем расшатались. Накручивала себя Анна много и боялась, как бы с ребёночком всё хорошо было.

-Что-то случилось, Сёмушка? - тихо спросила она.

Семён стукнул кулаком по столу.

-Случилось. Братец твой младший в тюрьме! Вместе с остальной шайкой сообщников листовки в складском помещении изготавливали и распространяли. Ты понимаешь, что это значит?

Анна побледнела, ей враз дурно стало. Егорка, ну что же ты натворил?

Глава 8

Сбежала Ольга, а Танюшка попала в интернат. Некуда ей и не к кому. Деда с бабушкой нет, папка в тюрьме умер, а тётка Анна открестилась от племянницы и знать ничего не желала.

Так и написала в письме, которое привёз с собой дядя Захар, воротившийся из города.

Он бы Танюшку у себя оставил. Совсем ведь сиротинушка безгрешная. Да жена его заартачилась. Своих, мол, семеро по лавкам, ещё и Пахомовских девчонок забрать?

К тому же слух прошёл по всей деревне, что Егора как предателя арестовали. А в тюрьме то ли своей смертью умер, то ли помогли. Кто же теперь об том узнает?

Девчонки его чуть ли не вражинами вместе с отцом покойным считались. И ведь за что Егора взяли, толком-то не знал никто.

Вот Ольга и сбежала. Куда, Танюшка и не знала даже. Ревела она день и ночь оттого, как жизнь её круто изменилась.

И на что ей теперь надеяться? Как дальше жить?

— Ты, Танюшка, как повзрослеешь, в Михайловку к нам приезжай. Я тебе всегда рад буду. Обид не держи, что везу тебя в чужие стены. Прав таких не имею тебя у себя оставить. Ольку сыщем и к тебе отправим. Заполошная она у вас всегда была.

Захар помог Танюшке спрыгнуть с подножки поезда. Девочка осмотрелась. Шумно на железнодорожной станции было, туманно. Ранняя весна наступила.

Паровоз пыхтит, гудит и скрежещет колёсами по рельсам. Из-за этого голова на две части раскалывалась у Танюшки.

Сжав в тонких пальцах свои нехитрые пожитки, она рассеянно пожала плечами.

— Какие обиды, дядька Захар? Спасибо и на малом. Буду жить как-нибудь, учиться. А Ольку вряд ли найдёте. Разминулись наши пути-дорожки с сестрой. Даст Бог, свидимся когда-нибудь. Жизнь длинная.

— Ну, коли так ... — Захар доставил девочку к длинному серому двухэтажному зданию, расположенному почти на окраине города и огороженному высоким забором.

Ком в горле у Тани встал, когда она осмотрелась. Господи, и здесь ей предстояло провести целых пять лет? Выдюжит ли?

— Спасибо тебе, дядь Захар. А если Ольку всё-таки встретишь где ... Хотя нет — Танюшка вскинула на Захара свои небесно-голубые глаза — не нужно Ольге ничего передавать.

Просто скажи ей, где я. Захочет, найдёт сестру.

На станцию Захар возвращался мрачнее тучи. Всё, что мог, он сделал. Одну девчонку пристроил, но где же вторая? Всю деревню они тогда обыскали, будто след Ольги простыл.

Анну он не осуждал, что от племянниц отказалась. Видел её, выходила она поговорить. Бледная, худая, с большим животом. Видно, что вот-вот родит.

Как услышала, что родители сгорели в пожаре ночью, так чуть сознания не лишилась. Она-то и сообщила про Егора. Только не знала она, что и его скоро не станет.

Муж у Анны человек сложный, как успел понять Захар. Из-за брата теперь Анну упрекать будет и стращать нещадно. Не повезло ей. Лучше бы за простого рабочего замуж вышла, чем под таким гнётом жить.

Пожелал ей Захар крепиться, да и отбыл в Михайловку. Девчонкам всё рассказал, как есть. А ночью, пока они все спали, Ольга и сбежала.

Куда? Зачем?

***

Вскоре и к Лыкову Кирьяну нагрянули. Обыски провели, да самого его не нашли. Как и сына. Одна лишь жена его Варвара с фанатичным огнём в глазах неистово крестилась перед иконами.

На все вопросы отвечала: "Господь всё управит", а когда про мужа и сына пытались у неё узнать, то Варвара смотрела на всех безумным взглядом и кричала, что не знает.

Всё, что смогли у Кирьяна найти, изъяли и на двух телегах увезли, оставив двор пустым.

Орудовал он с бандой одной в городе, да по окрестным деревням. Признали его, видели. Давно выслеживали всю шайку, да доказать причастность Кирьяна не могли.

— Теперь, ежели явится здесь, то под белы рученьки его и возьмут — вздохнул Фёдор. Они с Пелагеей тихо сидели, не высовывались.

— Тогда Анфису привозить домой можно? И ребёночек её не помеха. Лыковых нет в нашей деревне.

-Как и Егора Пахомова. Хочешь, чтобы девку сплетнями окутали и гадали, от кого дитё народила? Пущай у Марьи живёт до той поры, пока не родит, а там погляжу, что с ней делать.

-Ребёночка хоть пожалей. Наша кровинушка-то - сложила на груди руки Пелагея.

Фёдор промолчал. Ну куда Анфиска с дитём? Время тяжёлое наступает. Хоть и во все времена, что люди живут, оно лёгким ещё не было. Выживает сильнейший и тот, у кого руки-ноги не связаны. Эх, дура Анфиска, ну какая дура. Так жизнь свою смолоду сгубить.

Может хоть у Марьи на послушании ума наберётся, да в разум войдёт. Не на кого ей боле опереться. Лыковы в бегах, Егорка Пахомов преставился, как и престарелые его родители. Об себе Фёдор пока не думал, как на пороховой бочке жил. Ведь богатство не приветствовалось в нынешнее вре-

мя-то.

Чем тише и скромнее существуешь, тем меньше к тебе вопросов. А потому помощнику своему Савелию Фёдор отставку дал. Добротную одёжу сменил на более скромную и на следующий день собирался к председателю колхоза пойти, попроситься к ним. Коллективизация, понимаешь ли ....

***

Темно в лесу-то было. Боязно. То воют где-то собаки по ночам, то шорохи ночные. Ольга сидела в углу избы и помалкивала. Уж и пожалела много раз, что сбежала-то. Да назад теперь пути нет. Либо она с Лыковыми до конца, либо избавятся они от неё раз и навсегда.

-Чего сидишь? Иди на стол собери!

Петька ввалился внутрь. В руках у него мешок холщовый был с запасами.

-Петь, а долго мы тут прятаться будем? - осмелилась спросить Ольга.

Сам Кирьян и остальная банда, а их было ни много ни мало человек восемь, в город подались. При себе у них документы поддельные имелись, деньги, даже револьверы. Ольга как увидела их в первый раз, так внутри все поджилки затряслись.

Не по своей воле она к Лыковым попала. Выкрали её. Подкараулили, когда она по нужде на улицу вышла среди ночи. А дальше всё как в тумане. Удар по голове и прощай, детство. Для чего и зачем Кирьян приказал выкрасть Ольгу Па-

хомову знал только он сам.

Петьку своего перед фактом поставил и приказал им вместе с Ольгой схорониться где-нибудь подальше от родных краёв. Сколько они с Петькой добирались до Ульяновки, Ольга не знала. Потеряла счёт времени. То в одном месте заночуют, то в другом. Как старший брат и младшая сестра везде представлялись.

В конце концов на заброшенную в лесу сторожку набрели, и Петька принял решение обосноваться покамест здесь.

-Ищут нас. Сиди тихо и не буди лихо - хохотнул Пётр, и Ольга со страхом поняла, что пьяный он опять. Когда не выбирается никуда, трезвый. Стоит в город сходить, так возвращается всегда навеселе. А когда он в таком состоянии, то лучше от него подальше держаться, мог и ударить с кулака.

"Ох-х ... Права была Танюшка, когда говорила, что сама себе я беду накликаю. И чего мне возле сестры не сиделось? Погубят меня Лыковы, и помощи просить мне не у кого. Далеко забрались, очень далеко" - размышляла Ольга, освобождая мешок. Чего в нём только не было. Подозревала девушка, что краденое это всё и какие методы Петька применил, чтобы добыть еду, Ольге даже подумать было страшно.

Ясно одно. Бежать ей от него надо. Отсюда никак. В городе затеряться легче, там Петька искать её не станет. Сам в розыске. Осталось только предлог придумать, под которым он её с собой в следующий раз взял бы.

Глава 9

Лето пролетело быстро. Анфиса даже не успела оглянуться. Всё что-то делала, помогала. Старалась не отставать от остальных, чтобы не подумали, что тётушка Марья ей поблажку даёт.

Понравилось ей в скиту. Тихо, спокойно. К ежедневным молитвам привыкла, книги святых отцов читала. Сама не ожидая от себя, начала о жизни и смерти часто думать. А что там? По ту сторону-то? Ведь никто же оттуда ещё не возвращался.

Подружилась Анфиса с девушкой одной. Звали Ульяшка. Она чуть помоложе была. Скромная, росточка небольшого. Сдружились они легко. Вместе по лесу гуляли, по ягоды ходили да траву лечебную собирали. Ведь Марья лечила себя и остальных только травами. Оказывается, и в таком удалении можно жить, существовать и чувствовать себя счастливым.

Анфиса поглаживала свой большой уже живот и ощущала скорое приближение родов. Никто в скиту не спрашивал о её положении и не шептался за спиной. Благодаря тётушке Марье. Лишь одного её взгляда хватало, чтобы любопытные опустили головы и занимались своими делами.

-Кто у тебя будет? Как думаешь? - поинтересовалась как-то Ульяшка.

-Кого Бог пошлёт. Лишь бы здоровенький.

Анфиса всё чаще думала о Егоре, о родителях. Ведь ничего же не знала. Это единственное, что омрачало её пребывание здесь. Душа порой так сильно рвалась к родным, что

ночью просыпалась в холодном поту. Сны ещё странные снились, нехорошие. Отчего тревога в сердце девушки закралась и сжала легонько, не давая спокойно дышать. Всё ли там у мамки с папкой хорошо?

-К чему заранее тревожиться о чём-либо? Господь всё управит. Готовься к родам, молись, чтобы всё благополучно свершилось. Твоё дитя во грехе зачато, поэтому будет тяжело.

Анфиса со словами тётушки была не согласна, но спорить не стала. Не во грехе, а в любви. Это лучше, чем она насильно вышла бы замуж за Петьку Лыкова и рожала бы от него нелюбимых детей.

От Егора самый желанный, самый долгожданный ребятёночек. Анфиса спала и видела, как к груди прижмёт да запах родной вдохнёт. И не страшно тогда уж ничего ей, когда такое чудо на её руках будет посапывать.

Ульяшка с Анфисой реже стала гулять. Влюбилась. Новенький у них в скиту появился. Семинарист. К священнослужению себя готовил, да пришлось из города бежать. Массовые репрессии против верующих начались, гонения. Пропаганда атеизма распространялась всюду, и молодой семинарист, упав духом, подался в Марьин скит, о котором был наслышан.

-Времена нелёгкие переждать и помолиться в уединении и среди своих - отвечал он, когда только пришёл. Спустя время на Ульяшку внимание обратил. Добрая, тихая. Именно та-

кая матушка в будущем ему нужна будет. Да и сама девушка против его едва заметных знаков внимания против не была.

-И ты вот так готова за ним потом уйти? - спрашивала её Анфиса.

-Готова. Времена всегда сменяют одно другое, и люди не смогут жить в отдалении от Бога. Вернутся в разрушенные церкви священники, восстановятся приходы и начнутся церковные службы. Мой Тишка дождётся рукоположения, и мы создадим с ним православную семью. Это мой путь, понимаешь? Нас тут всех считают отшельниками, баптистами. А мы просто удалились от мирской жизни и живём все в молитве. Если все перестанут молиться и впадут в пучину греха, то и жизнь на земле закончится. Путь праведника тяжкий и тернистый, Фиса.

Ульяшка рассуждала как умудрённая опытом дева. Анфисе стало даже стыдно и совестно, что она вот такая уже порченная в их понимании. Наверняка осуждают, только не говорят.

-Тебя никто не осуждает - мягко произнесла Ульяшка, будто прочитав мысли своей подруги - дитя - это святое. Было бы большим грехом убить это дитя.

После этого разговора Ульяшка всё больше времени стала проводить со своим Тихоном. И таким чистым и светлым было их общение, что у Анфисы слёзы наворачивались.

"Где же ты, Егорушка?" - мысленно страдало её сердце.

Накануне праздника Покрова девушка почувствовала тя-

нущие боли в пояснице и поняла. Началось.

***

Тяжело Ольге было. Сбежать ей не удалось. Петька поймал и так побил её, что живого места не было. Да ещё надругался, и к осени Ольга поняла, что тяжёлая она. Ей как раз пятнадцать исполнилось.

-Ещё раз надумаешь сбежать куда убью - предупредил Петька.

Они всё так же продолжали жить в лесу. Он, бывало, уходил на несколько дней и возвращался всегда с "трофеями". Давно уже Ольга поняла, что Петька занимается разбоем. Грабит, может, даже убивает. Страшно ей с ним было.

А на днях сам Кирьян пожаловал, и долго они с Петькой о чём-то шептались, подальше от Ольги. Девушка варила уху в котелке на самодельном костре и с ненавистью поглядывала на Лыковых. Что она в Петьке могла полюбить когда-то? Наивная её душонка. Сейчас бы всё отдала, чтобы к деду с бабушкой вернуться, да сестру повидать. Но нету их и уж не будет. Танюшка одна только где-то осталась. Сведёт ли их судьба когда? Ведь как права она была. Все локти уже Ольга себе искусала, да назад не повернуть. В заточении она у Петьки и под гнётом.

Теперь, когда ребёнка от него ждёт, и вовсе не выбраться ей. Попробовать сбежать? Так у него по всему городу свои люди, враз донесут. Через лес Ольге боязно. Она же ничего не умеет, даже себя защитить.

-Сворачиваемся. В Ленинград поедем - коротко произнёс Петька, сверху вниз глядя на Ольгу. Холодный, равнодушный. А взгляд будто у зверя какого.

-Так далеко же ... - у Ольги всё внутри затряслось. Может, в пути удастся затеряться где? Сбежать? На любой станции сойдёт и сгинет. Ищи тогда Петька где хочешь.

-Здесь оставаться больше нельзя. В Ленинграде развернёмся, заживём как люди. Собирайся. Завтра на рассвете выдвинемся в путь. Документов у тебя никаких, Олька, нет. Так что будем добираться как придётся. Иначе схватят на первой же станции.

Всё упало внутри у девушки. Неужели ни единого шанса? Не может она Петьку больше видеть, терпеть его присутствие рядом, грубые прикосновения. А ребёнок этот ... Разве он нужен ей? Она сама, ещё ребёнок.

Слёзы закипели в глазах. Резко отвернувшись, Ольга сделала вид, что похлёбку рыбную мешает, а сама до крови закусив губу, пыталась успокоиться. Слёзы ни к чему. Некому её здесь пожалеть.

***

Таня стояла возле окна и с грустью смотрела на жёлтую опавшую листву. Трудно ей здесь было. Среди таких же сирот, как и она. Добрых мало. Все злые и жестокие.

Тётушка Анна лишь раз её навестила. И то встреча была короткой, неласковой.

-Ольгу так и не нашли? - спрашивала она.

Танюшка головой покачала. Её так и подмывало броситься тётке в ноги и попросить слёзно, чтобы забрала её она отсюда. Сил уже никаких не осталось. Старшие девочки обижают без конца и унижают её всячески.

-Таня, ты, пожалуйста, обид не держи. У меня сынок родился. Все заботы о нём на моих плечах. Сейчас со свекровкой вот оставила его, под предлогом неотложного дела. Муж пока уехал на пару дней. Что-то происходит у них, не говорит. Государственная тайна. Отец твой умер в тюрьме как предатель и преступник. Нет у меня возможности забрать тебя. Прости.

Последнее слово Анна выдавила из себя нехотя. Серое здание детского дома удручало. Она спешила скорее уйти отсюда и больше никогда не приходить. Дочь у брата взрослая. Если ум есть, то сама способна в жизни пробиться.

-Он не только мой отец, но и ваш родной брат. Неужели не жаль вам его, тётушка? - тихо спросила Таня, ковыряя носком ботинка влажную после дождя землю. Они стояли за воротами детского дома и разговаривали.

-Таня, не смей давить мне на совесть - повысила голос Анна и, всучив девочке кулёк с конфетами, быстро распрощалась с ней. Неуверенно пообещала ещё как-нибудь заглянуть, но Танюшка уже знала, что видела её в последний раз. Не заглянёт она больше к ней, из опасения лишиться того комфорта, в котором сейчас живёт.

-Тань, чего лбом стекло подпираешь?

Девочку тронул за локоть Митька Гурьянов. Он был старше и на будущий год покидал стены детского дома. Обернувшись к нему, Танюшка посмотрела на юношу своими ярко-голубыми глазами.

-Митька, а я тебе нравлюсь? Только честно!

Лицо Митьки залилось краской, глаза забегали по сторонам.

-Ну чего ты так вот сразу ...

-А ничего! - Таня отвернулась к окну и опять прижалась лбом к холодному стеклу - нет у меня никого. Одна я совсем. И если хочешь со мной дружить, то дружи навсегда. А если временно крутишься, то лучше сразу уйди.

-Да ладно тебе, Тань. Не злись. Нравишься ты мне, это точно. Вот выйду из детского дома, профессию получу, комнату и тебя к себе заберу. Веришь?

Слёзы застлали глаза Тани.

-Верю - осипшим голосом произнесла она. А во что ещё-то верить? Она не знала в свои четырнадцать лет.

Глава 10

Анфиса рожала тяжело, с криками. Она металась на постели, сжимая в руках простыни. С каждой схваткой казалось, жизнь уходит из неё по капле.

— Во грехе дитя зачато, терпи — доносился сквозь боль голос тётушки Марьи. Она монотонно бубнила молитвы возле икон и изредка бросала обеспокоенные взгляды на племянницу.

— Давай тужься! — вдруг прикрикнула повитуха. Была в скиту и такая женщина. Куда же без неё. Тут и помоложе у них люди были. Сходились друг с другом, семьи создавали, рожали детей.

— Не могу ... Сил совсем не осталось — слабым голосом произнесла Анфиса. Перед глазами лицо Егора стояло. То ли видение, то ли явь. Не понимала она уже, где находится. Между жизнью или смертью?

— Можешь. Помоги дитю-то. Задушишь же!

Марья вышла, не в силах смотреть на мучения племянницы. Жалко всё же её, дурёху. Сердце не каменное у Марьи было. И в то же время понимала она, от чего Анфиска так мучается. Без Бога не до порога.

Уж рассвет занялся, когда Марья к избе своей воротилась. Долго бродила она, не чувствуя лёгкого морозца. За столько лет в скиту к разной погоде привыкла и давно закалилась.

На пороге стояла, притулившись к дверному косяку, повитуха Стешка. Крепкая баба она была, в госпитале в миру работала, многое повидала.

В скит пришла, когда на привидение была похожа. С нелёгкой судьбой, с душевным раздраем внутри.

Мужа в гражданскую войну потеряла, родители один за другим ушли, а потом и дети. Двое. Несчастный случай, и вся жизнь под откос.

Стешка одно время сама жить не хотела. Пустилась во все тяжкие. Мужиков собирала, пила с ними в тёмную. Уверен-

но и осознанно катилась она в пропасть, пока её в тюремную камеру не бросили. Какой-то богатый господин на неё донос написал, обвинив в воровстве.

Судили Стешку, срок дали. Вот где она ад увидела во всех его проявлениях. На свободу вышла в начале тридцатых, да и в Марьин скит сразу же подалась. Слыхала она про него давно, да только в то время к Богу прийти даже не помышляла, ступив на путь греха и распутства. Думала, что скорее так помрёт. Ан нет. Оставил её Господь для чего-то.

В скиту стала она роды принимать. Уж сколько младенцев через её руки прошли. Вот и в эту ночь ...

— Ну? Сказывай давай, отчего белее снега стоишь? — потребовала Марья, стукнув палкой по мёрзлой земле. Вместо клюки она служила ей, потому как ноги у Марьи болели и опора была ей необходима.

— Померла Анфиска. Младенчики живы, оба. Крепкие, здоровые.

— Как? — ахнула Марья, прикрыв морщинистой ладошкой рот.

— Двоих родила, девка. Видать, организм не выдержал нагрузки. Мучилась долго, а может судьба её такая.

Стеша махнула устало рукой и опустилась на порог. В глазах у неё слёзы стояли. Давно она не ревела, а тут вдруг само нашло.

Да и как не разреветься, когда Анфиса только успела обоих младенчиков в лобики поцеловать, как тут же, голову на-

зад откинув, испустила дух.

— Упокой Господь её душу грешную — пробормотала пустым голосом Марья. Привыкнуть она к племяннице успела, тоска теперь сердце изъест. Да и брату, Фёдору, что она скажет? Как объяснит? Девка-то крепкая с виду была, беременность хорошо протекала, и вдруг не выдюжила.

— Что с дитями делать будешь? Зима впереди, никуда их не отвезёшь. Да и малы они, дорогу не перенесут. До Михайловки-то далече больно.

Стеша от охватившего её уныния выпить страсть как захотела. И тут же соблазна испугавшись, неистово перекрестилась. Давно такие мысли её не одолевали.

— Двойня, стало быть ... У нас в роду не было вроде чуда такого, ежели от кого понесла Анфиска ...

Оперевшись на клюку, Марья долгим задумчивым взглядом посмотрела на небо. Чудно это. Двойня.

— А кто хоть? Мужеского пола али женского? — спросила она.

Стеша встала со ступенек. Анфису обмыть надо, обряд провести, да похоронить, как положено.

— Девчушка да паренёк. Управилась Анфиска и оставила их сиротами. Пошли, что ли, Марья, глянешь на внучатых племянников.

Женщины вошли в дом. Тяжко на сердце было у обеих. Казалось бы, радость — рождение невинных младенцев, и рядом беда.

На третий день Анфису похоронили, крестик мужики сбили, могилку небольшую сделали, ровную. Постояли, помолились и молча все разошлись.

За детьми Анфисы вызвалась приглядывать Ульяшка.

***

В Ленинграде-то мороз трескучий стоял. Почти три недели добирались до него Петька и Ольга. Кирьян опосля обещал прибыть.

Во время пути Ольга не осмелилась признаться, что тяжёлая. Боялась она Петьку и кулаков его крепких. Но благо, что пока добирались, он её не трогал. Молчал всё больше, да брови нахмурив, думал о своём.

Сбежать у Ольги возможности не было. Петька глаз с неё не спускал. Лишь единожды осмелилась она спросить у него:

— Зачем я тебе, Петь? Ведь не любишь ты меня, ненавидишь даже. Отпустил бы уж?

Петька глаза свои сощурил в щель, усмехнулся криво и, схватив крепко Ольгу за толстую косу, приблизил к девушке своё красное лицо.

— Отец твой Анфиску у меня забрал, а я у него родителей и любимую дочь. Будешь жить со мной и за оплошность отца своего ответ держать. Поняла?

Глаза Петра были безумными, злыми. У Ольги сердце из груди от страха чуть не выскочило. Свой взгляд она потупила и промолчала. Ладно бы ей страдать ... Так невинная душа в ней зародилась. А ежели и дитё в чём перед Петькой

виновато будет?

В Ленинграде Пётр снял у одинокой старушки комнату. Полуглухая она была и полуслепая. Квартирка её неподалёку от рынка находилась, что для Петра было очень удобно.

— Приберись тут, поесть сообрази. Буду поздно и не один. И смотри у меня. Без глупостей. Ежели что, из-под земли достану.

Показав Ольге свой внушительный кулак, Пётр вышел за дверь.

Девушка, встав возле маленького окошка, смотрела на тихо падающий снег. Кто бы мог подумать, что она из Михайловки да в Ленинград выберется. Только вот какой ценой ... Какой ...

Глава 11

Пелагея Морозова добралась в скит только к лету. Савелий, что подвязался работать у них, помог. Сам в скит не пошёл, попрощался и пошёл обратно по пыльной дороге-то.

Поджав губы и потуже затянув уголки чёрного платка, Пелагея ещё немного прошла одна и вышла из лесу к оживлённому подворью.

Будто другой мир тут был, не иначе. Людей много, и лица у всех добрые, светлые. Слёзы застыли в глазах у опустошённой от горя женщины.

— Мне бы Марью повидать? Не проводите меня к ней? — остановила Пелагея пробегавшую мимо девушку.

— От чего же не проводить? За мной следуйте. Изба Ма-

рьи вон за той деревянной часовенкой.

В избе у старушки было тихо и прохладно. Везде иконы, лампадка в тёмном углу горит ровным пламенем.

Сама Марья на постели лежит. Глаза прикрыты, будто спит крепко.

— Ульяшка, ты? — подслеповато щурясь, спросила она, едва услыхав скрип половиц.

— Я. Тут гостья к нам. Просится вас повидать.

Девушка поманила Пелагею в небольшую комнатку.

— Гостья? Откель явилась?

Негромко откашлявшись, Пелагея подошла ближе, на край постели старушки присела. Сестру мужа своего, уж покойного, она видала всего один раз. По молодости дело было. Марья ещё тогда свой путь выбрала, претерпев немало испытаний.

— Это я, Пелагея Морозова. Жена Фёдора. Вот ... Добралась до вас наконец-то. Дочку забрать хочу, внучкА или внучку. Кто родился у неё?

— Ульяшка, ты иди, иди — Марья слабо махнула рукой в сторону зардевшейся от волнения девушки.

Ульяне хотелось остаться. Да Марье разве можно перечить? Выбежав на улицу, девушка поспешила к себе. Душа не на месте теперь была. Что Марья скажет? Неужто отдаст?

Пелагея напряжённо смотрела в пол, не смея глянуть Марье в лицо.

— Сам-то Фёдор где? Почему без мужа к нам явилась?

— стала допрашивать Марья. Слаба она стала, ещё с весны. Возраст уж. До ста лет дожить и не надеялась, а до семидесяти дожила. Всё повидать успела. И царя застать, и как всю семью потом свергли. Поняла одно за всю свою жизнь. Сколь власти человеку не дай, а всё мало будет.

— Убили мужа моего. Аккурат в тот день, когда в колхоз пошёл. Воевать он ни с кем не собирался, и раз уж такие законы пошли и жизнь поменялась, то ко всем остальным и собирался Фёдор примкнуть.

Пелагея утёрла шершавой ладонью слёзы с бледных впалых щёк.

— Расследовать стали, да никого не нашли. Подозревают Кирьяна Лыкова. Сбёг он вместе с сынком своим проклятущим. А жинка его из ума совсем выжила. Живёт на старой заимке, как отшельница, и зла всем желает. А ведь набожная была, и не подумаешь.

— Ежели любви на сердце ни к кому нет, окромя себя, то хоть весь лоб в усердной молитве расшиби, толку не будет. Фарисейство всё это, лицемерие напоказ. А Фёдора жаль. Помолюсь за душу его грешную сегодня. Ты располагайся покуда у нас, домой воротиться не торопись. Мне тебя тоже порадовать нечем.

Пелагея внутренне похолодела. Неужто Анфиска ребёночка потеряла?

— Дочь твоя умерла в родах. От неё дитё осталось. Девочка. Ты уж не серчай, мы ей сами имя дали - Любовь. Потому

как от большой любви она родилась. Анфиса даже умерла с именем своего любимого на устах.

Пелагея не выдержала, резко отвернула лицо. Вот ещё и дочь потеряла. Совсем никого у неё не осталось. Внучка ... Так внучку эту до ума довести нужно. А хватит ли у неё сил и здоровья? Сама-то немолодая.

— Егор умер. В тюрьму перед этим попал. Анфиса так и не узнала об этом. Горемычная ... Оставила теперь дитё сиротой. Где похоронили хоть? Далеко? Сходить хочу, сердце и душа на части разрываются.

— Сходи, милая, сходи. Ульяшка тебя проводит. Разыщи её, она от меня недалеко живёт. Заодно на внучку глянешь. Она приглядывает за девочкой, мамку заменяет ей.

***

Ульяшка металась у себя по избе. То к одной колыбельке подбежит, то ко второй. Девочка сладко посапывала, а мальчонка не спал. Ну зачем мать Анфисы явилась сюда?

Они с Тихоном в город выбрались. Отдел актов гражданского состояния НКВД СССР зарегистрировал их брак. Ребёночек был на них записан. Сын. Васечка. Василий. А ну как Пелагея только взглянет на него и догадается?

Дверь тихо скрипнула, заставив Ульяшку вздрогнуть.

— Марья к тебе меня послала. На Любу посмотреть и к Анфисе на могилку сходить.

Устало Пелагея присела на лавку, покрытую покрывалом из лоскутков. Разрешения не испросила у девушки, в голове

туман стоял ото всех событий. Не понимала Пелагея пока, как дальше ей жить, внучку воспитывать. Вернуться есть куда, дом же остался ей. Большой, добротный. Фёдор сам строил, работников нанимал.

На работу в колхоз берут. Хоть и мало что умела Пелагея, да долго ли научиться?

— На могилку провожу, как муж придёт мой — смущённо покраснела Ульяшка. Нервничала она, держа на руках ребятёночка.

— Твой? — кивнула на него Пелагея.

— Мой. Чуть позже Анфисы я родила — Ульяшка покачивала на руках Васечку, расхаживая с ним по избе. Мальчонка, будто чувствуя что, раскапризничался. Восемь месяцев стукнуло, уж большенький. Неужто родную кровь чует?

— Крупный малец будет — произнесла Пелагея и, поднявшись с лавки, к люльке с девочкой подошла. Долго смотрела на неё и, поджав губы, вздохнула:

— Копия Егорка Пахомов. Ничего от Анфисы не вижу в ней.

Девочка проснулась и, уставившись своими огромными глазками на бабушку, вдруг улыбнулась, ручонки подняла и загулила.

— Ой ли? Баушку свою неужто признала? — умилилась Пелагея — ну иди, иди, Любушка, ко мне. Видно, Господь меня для тебя и оставил на этой грешной земле-то. Всех забрал у меня. Будем вдвоём с тобой жить теперь.

Бережно прижав к себе девочку, Пелагея дала волю слезам.

***

Ольга, осторожно шагая по скользкой от недавно прошедшего дождя мостовой, возвращалась домой. Старушка-хозяйка попросила ей за хлебом сходить. Приболела она. А как ей откажешь? Собралась Ольга, пошла. Живот большой у неё уже был, рожать скоро.

Нежеланный ребёнок был, нелюбимый. Поначалу всё надеялась, что выкинет его. Ан нет, молодой её организм крепким оказался. Ну куда ей рожать-то? Живут с Петькой, как сожители. Не жена она ему, и он ей не муж. Стыдно, хоть правду и не знал никто.

Петька на завод куда-то смог устроиться, знакомствами обзавёлся. Хитрым он был, изворотливым. Притворяться умел, подстраиваться. Когда нужно и где нужно помалкивал. Отец его так и не объявился. И Ольгу это не могло не радовать. Страшный человек был Кирьян. Злой, жестокий. Одним взглядом убить мог.

О своём положении Ольга сообщила Петру. Скрывать не было смысла. Радости на его лице она не видала, но и руку на неё он больше не поднимал. Добытчиком он был хорошим. За комнату вовремя платил старушке, продукты приносил. Истинно порода Лыковых умеет в достатке жить, как заговорённые на богатство. Только счастья Ольге от этого мало. Любить эта порода не умела.

А ребёнок её с Петькой по рукам и ногам свяжет. Только было шанс забрезжил от Петра сбежать хоть на край света. А теперь куда ей? Младенец хоть и не желанный, а ведь не бросишь же.

Повзрослела Ольга враз, детство своё ещё там, в лесу, похоронила, как только Петька её силой взял. Ничего прекрасного в этом она не увидела, и о чём только мечтала раньше до дрожи в коленках? Правильно говорят: от любви до ненависти один шаг. Вот и жила Ольга теперь с ненавистью к Петьке. Больше и не мечтала она ни о чём. Запретила себе мечтать и как сложится её жизнь дальше уже не думала.

Едва войдя в квартиру, почувствовала Ольга, как что-то тёплое по ногам потекло. Испугалась, к старушке-хозяйке скорее в комнату поспешила.

-Так рожаешь ты. Ну-ка к соседке сходи, пускай проводит тебя до родильного дома. А муж твой вернётся с работы, так я ему всё расскажу. Иди, детка, иди.

На ватных ногах Ольга к соседке отправилась. Как рожает? Ещё же месяц ходить ей!

Глава 12

— Это кто ж у тебя на руках-то сидит?

Глафира обсмотрела Пелагею и девочку со всех сторон.

— Внученька это моя. Всё, что от Анфисы осталось. Забрала её от Марьи, будем жить-поживать. Вдвоём-то всё повеселее.

Глафира у них в колхозе самой старшей была над всеми

доярками. Пелагею она поначалу насторожённо приняла, без особой охоты. Но председателю перечить разве будешь? Собрание собирали в правлении, обсуждали, голоса считали, принимать Пелагею в их артель или нет. При этом насупленный взгляд председателя был красноречивее всех слов и высказываний. Приняли в свои ряды Пелагею.

Она хоть и барствовала при муже своём, а нужда прижала, времена сменились, и сравнялась, как все стала. За глаза-то всё равно её "бояркой" звали.

Работы Пелагея не боялась. Руки крепкими были, пальцы цепкими. Для своих сорока пяти лет она внешним видом выделялась. Сразу видно было, что не из простого люда она произошла. Оттого бабы и злыми на неё были. А что? Вдовая, хороша собой.

Шушукались бабы за спиной Пелагеи и в общий коллектив принимать не хотели. А сама она к ним и не лезла. Гордая. Дело она своё знала, выполняла хорошо. Никто не придерётся.

Теперь вот внучку привезла.

— Тебе если что для внучки надо будет, так ты скажи, соберём — милостиво предложила Глафира. Ребятёнок любое чёрствое сердце смягчит, а тут сиротка. Вся деревня уж знала, что окромя как от Егорки Пахомова не могла Анфиса Морозова понести. Лыкова Кирьяна опасались всё. Это он ведь порешил Фёдора, боле некому. Но вроде как слухи ходили, что из их мест Кирьян исчез и вряд ли уже вернётся.

Иначе мужики сами самосуд над ним свершат.

-Ничего не нужно, всё есть. Но коли чем поделитесь, не откажусь - степенно отвечала Пелагея, прижимая Любушку к себе. Родная девочка её, единственная отрада в этой беспросветной тьме. Всё, что сможет, даст для Любушки. И ласку свою, и заботу.

-Ты, Пелагея, теперь нас не дичись. А мужичок какой холостой к тебе посватается, нос-то не вороти. Одной тяжело тебе придётся. И по хозяйству, и так. Вон девчонку-то куда? Дома сидеть не будешь, рОстить тебе её надо как-то.

Пелагея кивнула в сторону подворья Василисы Игнатьевой.

-Вон Василиска присматривать согласилась. У самой семеро по лавкам, и мою прихватит.

-Ну как знаешь. То, что внучку на произвол судьбы не бросила, хорошо. Живите потихоньку. Даст Бог вырастет Любанька, будет тебе подспорье хорошее в глубокой старости. А ежели ещё и замуж удачно выйдет, так вдвойне радостней.

Глафира отправилась по пыльной дороге в контору. Жара стояла, солнце припекало так, что воздух обжигал лицо и руки. На следующий день рано утром, когда над полем ещё расстилался густой молочный туман, вышли все женщины в поле. До дождей успеть нужно было снопы собрать. Работали все слаженно, дружно. В перерывах на обед песни пели.

Особенно любила затянуть глубоким грудным голосом

Пелагея. С надрывом пела, с душой. Будто через песню она всю свою боль могла передать об ушедшем муже и дочери. Вместе с ней затягивали и остальные, и не было в этот миг разделения меж ними. Все понимали, что тяжела женская доля и терять родных - что кусок от сердца оторвать.

Время шло, Любушка подрастала. Пелагея стала "своей" и уже не было былой скованности, да отчуждения. Работа от зари до зари, дома успевала с огородом возиться, да с внучкой время проводить. Сказки, былины всякие девочке сказывала, а та слушала и впитывала в себя красивый голос бабушки как губка.

Любознательная она росла, смышлёная. Порой Пелагея смотрела на девочку и черты Анфисы в ней видела, а иной раз посмотрит и думает: ну вылитый Егорка Пахомов.

Вечерами летом, бывало, тоска нападала. Люба только уснёт, а Пелагея за порог дома и всё ходит, ходит. Думает и так и эдак. Повадился к ней один мужичонка с разговорами захаживать. Уж она его и грубостью гнала, и молчанием. Вдовый он был, Фрол Тихонович-то, да без одной ноги. Потерял в Русско-японской войне. Не молодой уж был. Старше самой Пелагеи лет на пятнадцать. Глаза у него добрыми были, да речи ласковыми. Отгоняла его от себя Пелагея, а сама вся в сомнениях была.

Одной и вправду тяжело. Мужские руки завсегда в избе нужны. Но что же люди подумают? А Фёдор с Анфисой? Будто предаёт их память она, всё чаще думая про Фролку. И са-

ма ведь не старая ещё, пятидесяти годков ещё и нет. А Любушка? Примет ли она дядьку чужого? Ведь только с бабушкой привыкла, да в семействе Василисы Игнатьевой с ребятишками её дружила.

Пока раздумывала Пелагея и сомневалась, ранним утром пронёсся по селу тревожный голос. Война.

***

Ульяшка вместе с сыном по ягоды ушла. Долго их не было. Любила она по лесу бродить, каждый листочек рассматривать да сыну на вопросы отвечать. Мальчонка рос шустрым, разговаривать рано стал, и непременно ему надобно было всё знать.

Не могли на него Тихон с Ульяной нарадоваться. А Марье за её молчание в ноги кланялись. Ну зачем Пелагее ещё и внук? Ей и так тяжело, а уж они Васечку воспитают в любви и ласке. Хорошего человека из него вырастят, правильного.

Тихон поговаривал о возвращении в город, о том, что к духовнику ему своему надобно. Ведь мысль, что его путь со священнослужением связан, Тихон не оставил. Мирская жизнь не соблазнила его и не прельстила. Пастырем он мечтал стать, на духовный путь направлять свою паству.

-Но всё, конечно же, по воле Господа нашего - смиренно говорил он Ульяне - если суждено рукоположиться мне, то так тому и быть.

Тоска такая в нём была и жадность до молитвенных подвигов, что и сама Ульяна верила: нет у Тихона другой судь-

бы. И она, вместе с ним приобщаясь к духовной жизни, твёрдо решила следовать за ним. Ведь у Бога под защитой они с Васечкой будут.

-Ну давай, сынок, домой вертаться. Темнеет уж. А то папка нас с тобой обыскался теперь.

Ульяша, подхватив плетёную корзинку со спелой душистой земляникой, сжала руку сына, и под его звонкий голосок они направились обратно, в скит. А там и вправду Тихон их обыскался. Лицо встревоженное, бледное.

-Марья тебя звала. Сходи к ней. Совсем она что-то плоха - взволнованно произнёс он, перехватывая у жены корзинку и забирая Васятку с собой. Ульяна расстроенно брела к дому Марьи. Без неё скит опустеет, и всё уже будет не таким. На место Марьи метит бойкая Настасья. Давно метит. Вот только душа у неё не светлая вовсе, а чёрная, и весь скит она в ежовых рукавицах держать собралась.

-Ульяшка, ты? Подойди поближе. Сказать тебе что-то хочу - прохрипела Марья - недолго мне уж осталось. Чувствую приближение чего-то страшного, а потому предостеречь тебя хочу и остальным передай. Забыли они меня, забросили. Но обиду ни на кого не держу, упаси Бог. Послушают тебя, значит, смогла я веру в их душах укрепить. Не послушают, тогда соблазн велик и скит вскоре в упадок придёт. Слушай внимательно, Ульяшка ...

Девушка как можно ближе склонилась к Марье, вслушиваясь в её прерывистый шёпот.

Глава 13

Где-то выли собаки и скрипели тяжёлые ставни на окнах. В печной трубе завывал со свистом ветер, который принёс с собой метель.

— Эка завьюжило-то — пробормотала Пелагея, подслеповато щурясь при тусклом свете керосиновой лампы. Она водила пальцем по мелким строчкам в книге и беззвучно шевелила губами.

Война шла уже третий год. Любушке осенью шесть лет исполнилось, и Пелагея потихоньку сама начала учить внучку грамоте. Кто знает, как жизнь потом повернёт, а девочка хоть немного должна быть образованной.

Мужиков мало у них в Михайловке осталось. Почитай, одни старики. Молодые на фронте все, воюют.

Сколько вдовых уже и матерей, потерявших своих чад. Что ни день, то похоронка. Сколько ещё эта проклятая война будет длиться?

Из оккупированных немцами территорий эвакуировали людей в отдалённые колхозы и совхозы. Вот и к ним в Михайловку две машины в прошлый раз пришли.

Пять женщин с детьми и пожилыми родителями. Селили к тем, у кого больше места в избе было.

Предложила свой дом и Пелагея. Комнат много, куда им с Любой столько? Пускай приходят к ним, живут. Всё повеселее, да потеплее зимой.

Большой добротный дом - единственное, что осталось у

Пелагеи из прошлой жизни.

Жить пришла к ней скромная учительница математики со своими двумя сыновьями. Один был ровесником Любы, а второй лет на пяток постарше.

И если со своим ровесником Люба тут же подружилась, то с мальчиком постарше общение как-то не заладилось совсем.

Был он высокомерным и малообщительным, в отличие от своего младшего брата. Того сразу видать было. Весельчак, балагур с открытой жизнерадостной улыбкой.

Звали их Савелий и Арсений Демьяновы, а маму их Пелагея уважительно только по имени-отчеству звала Катерина Николаевна.

— Да, заметает ... — эхом отозвалась Катерина, кутаясь в шерстяной полушалок. Возле окна она стояла и будто бы пыталась что-то высмотреть в разукрашенных морозным инеем стёклах.

Догадывалась Пелагея, что творится на душе у молодой женщины. Муж её ещё в первый год войны на фронте погиб. С тех пор носила она траур, и при малейшем воспоминании о нём глаза её краснели и наполнялись слезами.

А тут вдруг в забытой Богом Михайловке сердце её вновь застучало неистово от внезапного греховного чувства. Заметила она, что председатель здешний, Андрей Ильич, посматривает на неё как-то уж слишком пристально и глаза смущённо отводит, ежели встретится взглядом с самой Катери-

ной.

-Присядь, пожалуй. Сейчас чаёвничать будем - Пелагея оторвалась от книги и, аккуратно заложив закладочку, убрала в сундук. Интересную историю дала ей Катерина почитать. Книг-то она много с собой привезла, стопочкой возле стенки постаивают.

-Да что-то не хочется. Пойду я, Пелагея Дмитриевна, до Василисы дойду. Засиделись у Игнатьевых мальчишки мои. Пора уж и ко сну готовиться.

Катерина метнулась к двери, нервно сдёрнув свой тулуп с вбитого в стену гвоздя. Валенки обула, обмотала голову шерстяным платком. Лицо бледное, глаза горят.

-Вьюжит на улице. Уж переждала бы, Катерина Николаевна. Никуда мальчишки твои не денутся. Василиса у нас всех ребятёшек готова у себя принять. Любит возиться с ними и никогда не устаёт, только диву все даются. Крики, колгота, а ей хоть бы хны. Стряпает им да сказки сказывает.

-Не могу на месте усидеть. Пойду - извиняющимся тоном произнесла Катерина и юркнула за дверь, только её и видали. Сбежала по запорошенным снегом ступенькам, за калитку бросилась. Снег в лицо летел, будто иголками острыми впивался. Мороз сразу щёки защипал, руки.

-Катерина Николаевна! - тихонько позвал знакомый голос.

Женщина нервно обернулась тут же. И как услыхала только. Ветер завывал и свистел так, что даже шагов своих по

скрипучему снегу не уловить.

-Это вы? - одними губами произнесла Катерина, замерев на месте.

Андрей Ильич осмотрелся и потянул её под навес закрытого сельского клуба. В такую непогоду вряд ли увидит кто их. Все по домам сидят.

-Катя ... Давно хотел поговорить с вами. Да не решался ...

-Андрей Ильич, прошу вас. Не надо - взмолилась Катерина, понимая, о чём пойдёт разговор - ну зачем? Всё же так спокойно и идёт своим чередом. Я же временно у вас. Вот война закончится, и мы с мальчишками вернёмся к себе. Не надо, Андрей Ильич. Не стоит.

Катерина чуть ли не бегом поспешила вдоль улицы. Сердце её колотилось, дыхание прерывалось, и казалось, что от страшного волнения она вот-вот распластается на снегу в полуобморочном состоянии. Заглянув сейчас в грустные и мудрые глаза председателя, осознала Катерина вдруг, что любит этого человека, несмотря на большую разницу в возрасте и его семейное положение.

***

Танюшка, едва опустившись на стул и прислонившись спиной к стене, задремала. Ночь была тяжёлой, глаза от усталости сами собой слипались. Ещё летом она выпустилась из детского дома, а уже осенью ушла на фронт, помогать с ранеными в военном госпитале. Рук не хватало, и её взяли.

Чего только не насмотрелась за эти месяцы девушка, твёр-

до пообещав себе, что как только война закончится, то она обязательно поступит в медицинский. Помогать людям, лечить их и ухаживать было её истинным призванием. Она каждого раненого не обделяла своей заботой, горячо тоскуя по своему близкому другу Митьке Гурьянову. Знала она, что воюет он где-то под Сталинградом. Списывались они, пока Таня в детском доме жила, а потом связь оборвалась.

Хоть бы живой где был, а там жизнь долгая, авось сведёт их судьба или Танюшка землю перевернёт, а сама найдёт Митьку. Так рвалась её душа к нему. Ведь, повзрослев, почувствовала девушка, что любит юношу не как брата или друга, а как единственного мужчину, которого хотела бы видеть с собой рядом.

-Сестричка ... - донеслось до Танюшки как сквозь вату - водички попить принеси.

Девушка сорвалась с места тут же, будто и не дремала только что. Все раненые солдатики, молодой или старый, были для неё словно родные. К каждому она летела на помощь, как бы она сама не уставала.

***

Ольга шлёпнула Мишку чуть пониже спины.

-Угомонись уже! Носишься, как оглашенный - прикрикнула она на сына.

В квартире холод стоял, из еды ни крошки хлеба. Уж какой год блокада Ленинграда идёт. Конца и края тому нет. Чем детей кормить? А у неё их трое. Старушка-хозяйка по-

мерла прошлой зимой от воспаления лёгких, Петька на войну ушёл, а Ольга крутилась с детьми, как могла.

Девятнадцатый год ей пошёл. Детей она своих ни одного не любила. Порода Лыковых, ничего от Пахомовых нет. Но тем не менее заботилась о них, воспитывала, как могла, мечтая совсем о другой жизни.

Война избавила её от Петьки. Только надолго ли? Ведь вернётся, отыщет её, где бы она ни была, а потому сидела Ольга на одном месте и даже не помышляла сбежать куда-нибудь. Да и куда бежать? Кругом немцы.

Порой упорная мысль свербила голову, что как бы Петька сгинул на этой войне, вот тогда дышалось бы ей легче. Дети вырастут, сами по себе потом будут, а она, Ольга, наконец-то вздохнёт свободно.

Настолько очерствела она за это время, что не вспоминала ни о ком. Ни об отце, ни о бабушке с дедушкой, ни о сестре своей, Танюшке. Жестокость росла в ней с каждым днём всё сильнее, и озлобленность пускала свои корни в мысли, в сердце.

-Мишка, приглядывай за младшими. Пошла я, на промысел - тихо произнесла Ольга, набросив на себя тонкое пальтишко. Тулуп она для детей берегла, чтоб было под чем спать им.

Каждый вечер Ольга выбиралась в ночную тьму, чтобы хоть что-то добыть своим детям. Она твердила себе, что не жалко ей отродье Лыковых. Но как любая мать она обязана

заботиться о своём потомстве. Чувство ответственности за жизнь, которую она произвела на этот свет, ещё не умерло в ней.

-Stehen! Я буду стрельять - раздался гневный окрик в спину.

Ольга в страхе заметалась. Их район был удалён от центра города, и его, судя по всему, оккупировали немцы. Куда бежать? Топот ног, винтовки в руках. Ольгу схватили. Удар, ещё удар. Обессиленно она упала на промёрзшую мостовую.

"А дети как же ... " - пронеслось у неё в голове прежде чем она потеряла сознание.

Глава 14

Тихон тяжело дышал. Ранение было смертельным, но его смогли спасти. У врача оказались золотые руки и добрая душа. А сестричка, что за ним ухаживала, не отходила ни на секунду, пока он был в полубессознательном состоянии.

Бредил Тихон. Ульяшку свою всё звал, сына Васятку. На фронт ушёл Тихон в сорок втором. Добровольцем. Не смог остаться в стороне и тихо Богу молиться. Это всё потом. И рукоположение будет, и службы в храме. А сейчас драться нужно, защищать. Истреблять фашистов поганых, чтобы народ русский жил и вера православная проникала в людские, измученные горем души.

Ульяна с сыном осталась на приходе отца Павла. Тихон увёз их в свой родной Дзержинск. Им там спокойнее будет. Святая церковь защитит его родных. За это Тихон не пере-

живал, уповая на божью милость. Но сердце тосковало без его любимой Ульяшки. Она же как луч солнца его жизнь осветила, а Васятка только укрепил их союз. Ни разу не возникло у Тихона сомнения, что зря они чужого ребёнка себе забрали. Родным сыном Васятка для него стал, и мечтал Тихон, чтобы по его стопам потом мальчонка пошёл, выбрав для себя путь служения Богу.

-Ну как вы, миленький? Полегче вам?

Над лицом Тихона склонилось светлое и какое-то одухотворённое лицо медсестры. Татьяна. Он даже имя её враз запомнил. А глаза-то у неё какие. Будто небо июльское. Голубые, яркие и лучатся все. У его Васятки такие же глаза были, потому Тихон и потянулся к мальчонке всей душой. Ведь глаза - зеркало души, и порой, едва взглянув в них, можно понять, какой перед тобой человек. Хороший или плохой.

-Всё хорошо, Танюша. Выдюжим - охрипшим голосом ответил Тихон, сжав зубы от пронзившей боли. Ранение он получил в живот, операция сложная была, много часов длилась. Крови он порядком потерял, но внутри было твёрдое ощущение, что ещё поживёт он. Может, даже до глубокой старости поживёт, а внукам потом будет рассказывать о том, как воевал безо всякого страха и трусости.

-Вот и славно - Таня улыбнулась. Она ободряюще сжала плечо Тихона - поспите. Вам обязательно нужно поспать. Сон - лучшее лекарство. А я пока пойду к другим солдатикам. Родненькие, вы только живите все ...

Голос Тани неожиданно сорвался, и, быстро отвернувшись от Тихона она поспешила уйти. Очень страдало её сердце о Митьке. Хоть бы весточку какую от него получить. Она его любым примет. Калекой ли, хромым, слепым. Лишь бы живой был.

Из всех раненых, поступивших к ним, Тихон стал как-то ближе. Переживала за него Таня как за родного, а понять не могла почему. Знала она от него самого и про жену его Ульяшу, и про сына Васечку. Тихон даже из кармана маленькую чёрно-белую фотокарточку достал. Таня всё смотрела на мальчика, смотрела. И непонятные чувства она испытывала внутри. Будто и глазки его ей знакомы были, и кучерявые вихры, вздёрнутый нос в веснушках. Напомнил ей Васятка кого-то, а кого - не могла сообразить.

Потому к Тихону она особенно часто подходила и справлялась о его самочувствии. А однажды после особо тяжёлого боя тут совсем рядом, когда русские солдаты прорвали наконец-то оборону и разгромили в пух и прах штаб с немцами, в госпиталь привезли молодого юношу.

Был он очень слаб, контужен и не мог внятно ничего сказать. Танюшка едва взглянула на него и чуть сознание не потеряла. Так невыносимо жалко ей стало этого красивого чернобрового паренька. Поняла она враз, что ногу, скорее всего, ему ампутируют и раздробленная кисть правой руки вряд ли когда будет работоспособной.

Тихон как раз поправился и снова на фронт вернулся. Пе-

ред этим он Танюшку к себе подозвал, адрес ей свой оставил и очень просил, чтобы как только всё закончится и они одолеют вражескую саранчу, Танюшка непременно к ним в гости выбралась. Очень уж девушка ему глянулась, и с Васяткой они схожи были.

Таня приехать пообещала, бумажку с адресочком в свою любимую книжку сунула между страниц. Жизнь длинная, кто знает, может, и выберется она когда в гости к Тихону.

С появлением нового раненого Таню приставили к нему сиделкой. Важным он оказался. Сыном генерала из самой Москвы. А в самой гуще ожесточённых боёв оказался по своей он инициативе. Хотел отцу доказать, что и сам без его протекции способен чего-то добиться. Своё родство с генералом до последнего скрывал, пока в госпитале документы его не изучили и в Москву весточку не передали.

Юношу звали Леонид Аристархович Луговой. Был он упрямым, заносчивым по характеру, и Танюшке было очень тяжело с таким пациентом. То это ему не так, то другое не по нём. И если к другим Леонид Луговой относился более-менее сносно, то над Танюшкой изгалялся прямо-таки с каким-то мрачным наслаждением, и девушка уже не чаяла, чтобы поскорее он уже на поправку пошёл, да покинул стены их госпиталя. Но вскоре к ним пожаловал сам генерал ...

***

Пётр столкнулся со своим отцом совершенно неожиданно. Столько времени не знал ничего о нём, и вдруг такая

встреча. И где! У немцев! Выслуживался Кирьян у фашистов надсмотрщиком над пленными русскими солдатами. Стегал их плёткой, голодом морил и на допросах самые изощрённые пытки применял.

Сына своего Петьку он сразу-то не признал, а потом, как узнал, то вывел его под предлогом в укромное местечко-то.

-Петька, ты ли, чё ли? Ты как тут? Неужто воюешь?

-Воюю, отец. А ты, как я погляжу, у фрицев на хорошем счету?

-А что? Сытно, тепло, и никто над душой не стоит. Ты бы, сынок, тоже к нам переходил, уж я за тебя словечко-то замолвлю. Другая власть придёт, свобода. Ты подумай, я не тороплю. А то как бы локотки потом кусать не пришлось. У немцев сила, техника. Не то что у нас. Да и умнее они во сто крат.

Петька голову вскинул. Предать? Как-то и не задумывался он об том. На его счету немало грешков имелось, потому, чтобы загладить их и отвести от себя подозрения, он самым первым с завода на фронт попросился. Глядишь, награду какую заслужит, почёт и уважение. Хитрый он был, изворотливый, и понимал, что рано или поздно немцы разбиты будут. А вот что отец ему втолковывал, то в его голове никак не укладывалось. Внутренне словам отца воспротивился Пётр. Не из патриотических чувств, коих у него отродясь не было.

-Ты, отец, сам выслуживайся, а меня не заставляй. Лучше сбежать помоги. По глупости я в плен попался, не рассчитал.

К своим мне надо. У меня в Ленинграде Ольга с детьми. Внуки же у тебя, знаешь? Мишка, Полинка и маленькая Динка.

Кирьян хмыкнул довольно, сыну по плечу похлопал своей крепкой ладонью.

-Добро. Хоть в сыне своём род Лыковых продолжил. Не совсем ты Петька и дурак у меня - прищурив один глаз, Кирьян, обхватив пальцами свой гладкий подбородок без привычной бороды, посматривал на Петьку как-то недобро - где, говоришь, живут они?

-Так в Ленинграде. Я тебя всё ждал, ждал. Но ты так и не явился к нам. Где пропадал?

-Где пропадал, меня там уже нет. Иди, Петька, возвращайся. Да подумай хорошенько над моим предложением. Немцы завтра планируют пленных на рассвете расстрелять. Не решишь ничего путного, помочь тебе уж не смогу. Извиняй, сын.

Пётр ошалело слушал отца. Да как так-то? Родного сына под рикошет пуль готов пустить?

-Не думал я, отец ...

-Иди, иди. Думал, не думал, а в полночь приду, скажешь мне свой ответ.

Уперев винтовку в спину сына, Кирьян покрикивал на него, подталкивая обратно, к баракам, в которых держали пленных раненых солдат.

Глава 15

Май, 1945

Пелагея едва поспевала за внучкой. Вся деревня возле правления собралась. Дошла до них радостная весть о победе.

— Ура! Ура! Мы победили! Победа за нами! — звонко кричали мальчишки. Все улыбались, радовались.

Тяжело на сердце было у вдовых, да осиротевших без своих сынов родителей. Но общий дух радости за Отчизну потихоньку проникал и в их сердца. Значит, не зря родимые их на поле боя головушки свои сложили, чтобы светлое будущее потомкам своим дать.

К вечеру того же дня Катерина сообщила Пелагее, что уезжает.

— К себе вернёмся, загостились мы тут. Там жильё своё было, в школе я так же учительствовала. Город. Не могу я в глуши такой жить. Душит, Пелагея Дмитриевна. Поймите меня правильно! Вам за вашу доброту и за то, что с мальчишками приютили меня, очень я благодарна!

Горячо говорила Катерина, с надрывом. Видно было, что очень она переживала. Слишком далеко их тайные отношения с Андреем Ильичём зашли. Но знала об том только Пелагея, потому как однажды поделилась с ней Катерина, не в силах скрывать свою боль. Она смогла полюбить и открыть своё сердце несвободному мужчине. Разве это не несчастье?

А сейчас скорее всего, сбежать она хотела. Да только разве от самой себя сбежишь?

-Привыкла я к вам, Катерина Николаевна - вздохнула Пе-

лагея - и Люба моя по Савелию будет скучать шибко. Ведь как они сдружились-то за это время, не разлей вода просто.

-А вы к нам в гости приезжайте! Или насовсем перебирайтесь, вот мы только обустроимся - и давайте к нам. В городе перспектив больше. А Люба - девочка умная, ей в деревне вашей не место.

Пелагея только улыбнулась.

-Ну куда мне, старой-то такой, и к вам? Здесь уж, видно, век свой доживать буду. А Любушку я возле себя держать не желаю. Ежели, Катерина Николаевна, призришь её у себя, как время ей учиться придёт, так за это низкий поклон от меня тебе будет. Дожить бы только, а то чувствую, совсем захирела я что-то.

Катерина порывисто обняла мудрую и степенную женщину. Как мать она для неё стала за эти несколько лет. Даже жаль уезжать. Но и жить в таком состоянии, каждый раз со страхом и стыдом встречаясь на улице с женой Андрея Ильича, не могла больше Катерина. С глаз долой, из сердца вон, как говорится.

-Люба для меня как дочка будет, пускай приезжает. Я с радостью приму её у себя!

Пелагея мысленно обрадовалась. Ни Катерину не хотела расстраивать, ни внучку свою. Предчувствовала она, что недолго ей осталось. Лишь молилась тихонько тёмной ночью, чтобы ещё хоть подольше потянуть, Любушку до ума довести. Бойкой девчонкой она росла, смышлёной. Видела

Пелагея в ней черты характера мужа своего Фёдора. Такая хватка, какая у Любы просматривалась, пропасть ей в жизни не даст.

***

-Мамка уезжать от вас задумала - задумчиво произнёс Савка. Они с Любой на бережку сидели, да грелись на послеобеденном солнышке. Частенько они сюда бегать любили, да разговаривать обо всём на свете. Именно здесь Савка торжественно пообещал, что когда они вырастут, то обязательно с Любой поженятся. Девочка улыбалась лишь, да помалкивала. Старший брат ей Савкин больше нравился. Мрачный и неподступный Арсений. Было в нём что-то такое, что манило маленькую Любу как магнитом.

-А куда же вы поедете? Разве тут вам плохо? - расстроилась Люба.

-Не плохо. Но мы же в городе до эвакуации жили. Квартира там у нас, родня. Война закончилась, пора домой. Так мамка нам сказала.

-Ну почему? А вдруг вам некуда возвращаться? Вдруг от квартиры вашей и не осталось ничего уже!

Савелий насупился и немигающим взглядом на сверкающую поверхность реки уставился. Ему особо не хотелось уезжать из Михайловки. Привык он здесь. Это брат его старший рвался всё в город, да мамка. А Савелий чувствовал, что его место тут. Среди гор, леса соснового, пшеничных полей и лугов с пряной душистой травой.

-Вернуться всегда есть куда - пожал мальчик плечами. Мал он ещё был и супротив материнского решения идти не смел. Она одна у них с братом. За мать, за отца. Тяжело ей с ними. Была у Савелия мечта отучиться, стать взрослым и матери спокойную безбедную старость обеспечить. Чтоб только отдыхала она и забот больше не знала. Но как же долго это - взрослеть!

-Ты уж пиши мне, как вы там устроитесь - попросила Люба, грустно опустив голову. Самое тяжёлое для неё было с Арсением расстаться и не видеть его больше. Взрослый он, четырнадцать скоро ему будет. Скоро совсем юношей станет, найдёт себе девушку. А она, Люба, так и будет его втайне любить и мечтать, что он когда-нибудь своё внимание на неё обратит.

К концу мая, когда в школе занятия закончились, уехала Катерина с сыновьями. Далеко-далеко. Пелагея с Любой их долго провожали, стояли, пока грузовик, который председатель им выделил, за поворотом не скрылся. Сам Андрей Ильич так и не осмелился проститься с женщиной ,которая прочно вошла в его сердце. Тяжело ему было, но всё, что от него требовалось, сделал.

-Ты, Люба, не грусти. Взяла с Катерины Николаевны слово, что если тебе понадобиться когда приехать к ней, то в своём гостеприимстве она тебе не откажет. А уехать из Михайловки тебе всё же придётся. Не хочу я, чтобы ты здесь прозябала. В городе ты сможешь дорогу себе пробить, а

здесь пропадёшь. Не для такой жизни ты создана, другая порода в тебе.

Прижав внучку к себе, Пелагея обвела тоскливым взглядом окрестности. Богатая у них тут природа, дух захватывает. Солнце нещадно глаза слепило, на ярко-голубом небе ни облачка. Жить бы да радоваться долгожданной свободе. Но у всего есть свой срок. Вернувшись с Любой в опустевшую избу, села Пелагея за стол письмо заранее писать. Мало ли. Теперь каждый день будет как подарок для неё.

***

Таня робко осмотрелась по сторонам. Может, зря она согласилась? Ведь ей хорошие рекомендации дали, она могла бы учиться поступить. Что её сподвигло ответить: "Да?" Горькая весть о том, что Митька среди погибших числится?

Доставили Таню с сопровождающим к генералу Луговому. Ещё тогда, два года назад, она приглянулась ему, и решил Аристарх Игнатьевич её в Москву вызвать, как война закончилась. Для чего, Таня пока не догадывалась даже. Если только как сиделку. Ведь сын его калекой на всю жизнь останется. Без ноги и с парализованной правой рукой.

-Ты проходи, проходи. Не стесняйся - генерал провёл девушку в свой кабинет, в кресло усадил, приказал помощнице по хозяйству чаю им принести с домашними пирогами. Сам же он за стол массивный уселся и руки на своём выпирающем животе сложив, уставился пристально на Танюшку.

-Аристарх Игнатьевич, для чего вы меня позвали? С Лео-

нидом всё в порядке? - прямо спросила девушка, не любившая особо вокруг да около ходить и гадать. В то время, когда Луговой-младший в их госпитале лежал, подружиться она с ним так и не смогла. Юноша всё так же был груб и резок по отношению к ней. Иной раз даже до слёз доводил своими придирками и жалобами на нерадивую сестричку.

-Есть у меня, Татьяна, предложение для тебя - начал генерал, положив руки на стол и сцепив их в замок - отказываться не спеши. Подумай сперва хорошенько. Примешь правильное решение, не пожалеешь. Обещаю. Ну а не согласишься, неволить не буду. Ты человек свободный, сама в состоянии решить, как жить дальше.

Таня вся превратилась в слух. Жить на самом деле ей негде было. Она сирота, время послевоенное. Куда и к кому обратиться, чтобы жильё получить, не знала. Если только на время учёбы в медицинском училище ей комнату в общежитии дали бы. А потом? А потом видно было бы.

-Есть у меня мысли Лёньку моего и тебя поженить. Ты девушка смирная, сердце у тебя доброе. Сынок мой упрямый за тобой как за каменной стеной будет. Мы с матерью не вечные, и, чтобы душа моя была спокойна, хочу Леонида верной женой обеспечить. За это все блага готов дать, какие только в моих полномочиях. Подумай, Танюша. Время есть, я не тороплю. Просто такой, как ты не сыскать мне больше.

Таня крепко сжала подлокотники кресла, затаив дыхание. Выйти замуж за этого несносного грубияна? Нет-нет. Она не

сможет его вытерпеть, какой бы терпеливой и спокойной она ни была!

Девушка поспешно поднялась со своего места, сумочку сжала.

-Аристарх Игнатьевич, я подумаю. Могу я идти? - голос её дрогнул. Она даже и думать не собиралась. Ни за какие блага она не согласится на такое предложение!

-Иди, конечно. Мой водитель тебя отвезёт куда нужно. Я похлопотал. Ежели угодно Москву посмотреть, супруга моя готова тебе компанию составить. Элечка - коренная москвичка, очень много знает всего о белокаменной.

-Спасибо - сдавленно ответила Таня и, развернувшись, чуть ли не бегом выскочила из кабинета генерала. Вот так она попала. И как ей выкручиваться?

Глава 16

Мишка нёсся по длинному коридору детского дома. Почему-то он подумал, что мамка пришла за ними или папка. Он так мамку ждал, так отчаянно Боженьку просил о том, чтобы в один прекрасный солнечный день мамка пришла за ним, за Полинкой и Динкой.

Молитв он не знал, но очень ясно запомнил рассказы матери о дедке Антипе и бабушке Нюре из далёкой Михайловки.

И при этом мама плакала всегда, когда вспоминала родную деревню. Такая она красивая в этот момент была, такая добрая. А потом снова она ругалась на них, снова уходила из

дома, чтобы принести им поесть.

Мишка рано научился быть взрослым. Жизнь заставила. Отца он почти не помнил. Мама ему всегда наказывала, вдалбливала прямо, чтобы он за своими младшими сёстрами всегда приглядывал. И не дай-то Бог Мишке вдруг не углядеть. Тогда такого ремня получит, мало не покажется.

И Мишка смотрел. В тот вечер, когда мамка ушла, он согревал сестёр под тёплым овчинным тулупом, а потом незаметно уснул. Поле ему снилось. Огромное, с жёлтыми одуванчиками, и небо такое голубое-преголубое, что глаза даже во сне резало. Открыл мальчонка их вдруг, а это солнце в окно бьёт.

Сердечко застучало, затрепыхалось в груди. Мишка из-под тулупа вылез, а сестрички его на холодном полу сидят и ревут. Мамки нет, в разбитые стёкла метель заметает.

Заметался мальчик по пустой квартире, туда-сюда. Входная дверь заперта, не выйти. Стал колотить он по ней. Тревога в маленьком сердечке поселилась, жуткий страх. Мамка всегда домой возвращалась. С пустыми ли руками или удавалось что найти. А сегодня вдруг не пришла.

-Мама ... Мм ... Мама-а ... - захлёбываясь слезами, кричал Мишка. Позади него, всё так же друг к дружке прижимаясь, сестрёнки стояли и своими большими ясными глазёнками, будто ища защиты, смотрели на старшего брата. А что он Мишка мог-то? Ему самому седьмой год всего шёл!

Соседка смогла дверь открыть, забрала детей к себе. Оль-

га так и не вернулась домой. Искали её, запрос подали. Но куда там. Блокада Ленинграда длилась до конца января сорок четвёртого. А потом детей Лыковых распределили распределили в детский дом. Отец числился без вести пропавшим, мать тоже. Никаких сведений о них.

И вот теперь вдруг Мишку позвали к директору! Будто бы кто явился за ним и за сёстрами. А кто, как не мамка или отец? Больше-то у них и нет никого! Взлетев по ступенькам на третий этаж, девятилетний Мишка замер перед зеркалом, висевшим в коридоре, на стене. Худющий, бледный.

Дрожащими ручонками мальчик на себе рубашечку поправил, брючки. Пригладил непослушные вихры. Глаза его блестели от радости, как два драгоценных камушка. Шаг-другой, и Мишка схватился за ручку двери в кабинет директора.

-А, Михаил. Ты проходи, проходи - приветливо махнул ему Юрий Степанович.

Миша смущённо протиснулся в дверь, осмотрелся. Светло здесь было, уютно. Цветы везде, большой прямоугольный стол, стулья. На одном из них, сложив руки в замок, сидел большой широкоплечий мужчина. Копна седых волос и цепкий взгляд водянистых глаз вызвали в душе Миши пока ничем необъяснимый страх.

-Вот, Кирьян Демьянович, внук ваш - как-то заискивающе произнёс Юрий Степанович и сам, приблизившись к мальчику, легонько подтолкнул его к деду - не стесняйся, Миха-

ил, подойди к дедушке. Он у вас герой, до самого Берлина шёл. Удостоился медали за отвагу и мужество. Долго он вас искал, по всем детским домам. Теперь к нему с сёстрами отправитесь.

Юрий Степанович таким гордым был, таким напыщенным. Миша же насупился и голову опустил. Глаза зажгло от слёз обиды и разочарования. Ну какой ещё дед??? А мамка где?

-Мать ваша погибла. Отец тоже - словно прочитав мысли внука жёстким голосом сообщил Кирьян. Он испепелял внука, пронзительным взглядом, отмечая про себя, что на Петра похож мальчонка, даже очень похож. Оттого и вредным он ему сразу стал. Смотрит ещё как волчонок. Затрещину дать бы ему, да пока нельзя. Ну ничего, вот к себе этих сироток заберёт, покажет им кузькину мать.

Миша, услыхав такую горькую новость, держался стойко, мужественно. Лишь на деда зыркнул прямо и тут же голову опустил опять. Всё существо маленького человечка превратилось в огромный сгусток боли. Мамка какой бы злой ни была, а своя, родная. Где приласкает, где чуть ниже спины треснет от души, да ругнётся шибко. А дед что? Чужой он для них и родным вряд ли станет. Вон смотрит как грозно, тяжело. От такого взгляда голова в плечи ещё сильнее втягивается и хочется вообще сквозь землю провалиться.

Юрий Степанович отправил Мишу пока на занятия. Весна, каникулы скоро. Сам же он сел напротив Кирьяна Де-

мьяновича для того, чтобы обстоятельно всё обсудить, чтобы трёх сирот Лыковых отправить на ближайшей неделе далеко-далеко отсюда.

***

Таня находилась в страшном замешательстве. Отказать генералу Луговому означало подписать себе приговор. Девушка понимала, что такой человек отказа не потерпит. Таня изначально позволила подцепить себя на крючок, когда согласилась ухаживать за сыном Аристарха Игнатьевича ещё там, в госпитале.

И теперь, сидя снова в глубоком кресле напротив генерала, Таня чувствовала, как у неё в висках стучат молоточки и вся она от страшного волнения взопрела. Всю ночь думала и так и эдак. С одной стороны, Леонид наполовину инвалид. Пол-ноги ампутировано, рука парализована. А значит, домогаться её он не будет как муж.

С другой - свобода. Таня её лишится, когда выйдет замуж за сына генерала. Она уже не будет принадлежать сама себе. Но зато ей пообещали помочь с учёбой в высшем учебном заведении и о других привилегиях намекнули.

Казалось бы, чего тут думать? Такой шанс не всем выпадает, и отказаться от него нужно совсем дурой быть. Никому она не нужна, и никто её нигде не ждёт. Если бы знать, что Митька где-то жив и весть о его гибели - ошибка, тогда можно было бы надеяться на что-то, искать его. А так ...

-Я согласна, Аристарх Игнатьевич - ровным голосом про-

изнесла девушка. Её же слова эхом отозвались у неё в голове. Правильное ли она решение приняла? Подсказать некому было. Благое же дело, наверное, выйти замуж за почти инвалида. Заботиться о нём, присматривать. Детей, правда, навряд ли она родит от такого. Даже страшно подумать ... Передёргивает всю.

-Ты молодец, девочка - тихо произнёс генерал, кому-то кивнув за спиной Тани - с этого дня у нас будешь жить. Свадебку в скором времени организуем тихую, скромную. Ты понимаешь, Танюша, что время немного пройти должно, и все свои обещания, данные тебе я выполню. Страна ещё долго от войны отходить будет. Как устаканится всё, так решим всё. А пока поди, отдохни. Вечером ужин у нас семейный. Леонид в курсе, супруга моя в курсе. Будем знакомиться с тобой и принимать в свою семью. Не пожалеешь, Танюша. Всё будет хорошо.

Слова генерала девушку отнюдь не успокоили, а наоборот. Тревожность только усиливалась. Но Таня, робко шагая следом за помощницей по хозяйству, надеялась, что это с непривычки. Печалиться-то не о чем. Повезло ей так повезло. Как у Христа за пазухой жить будет. А любовь ... Любовь только к Митьке у неё была, есть и будет. Лишь она и будет тем светом, который согреет её в тёмные дни её жизни.

Глава 17

Пелагея Дмитриевна слегла в пятьдесят первом, через шесть лет после войны. Здоровье окончательно подорвалось.

Трудилась в колхозе до последнего.

Тяжело всем пришлось в послевоенные годы. Если в больших городах восстанавливали крупные объекты предприятий, оборонную промышленность, жильё, то в колхозах в условиях засухи была низкая урожайность, нехватка техники, лишних рук.

Люди трудились на износ, и стар, и млад. Мужиков-то мало с войны вернулось. Кто погиб, а кто выжил, так либо калека, либо больной и душой, и телом.

Председатель Андрей Ильич всё понимал, за каждого радел. Да только государству план подавай. А откуда его взять-то, этот самый план? Как трудодни-то положенные выработать?

Сдал председатель. Постарел, духом ослабел. Вроде и не старый совсем, а будто все силы из него ушли.

От людей ничего не скроешь. Шушукались за спиной, что будто бы жена председателя денно и нощно пилит его за учителку молодую, Демьянову Катерину Николаевну.

Она как уехала с сыновьями из Михайловки, так Андрей Ильич и захирел. Дети его давно выросли и ещё до войны из-под родительской опеки вырвались.

Дочь в горкоме пристроилась, сын где-то на заводе не простым рабочим, а на хорошей должности трудился.

Многое люди болтали, рты всем не заткнёшь. Одной Пелагее Морозовой было всё равно на сплетни. Она всё Богу молилась тайно каждый вечер перед сном, чтобы жизнь он

ей продлил. Любашу необходимо до ума довести, ведь нет у девчонки никого.

Одна надежда была на Катерину Николаевну, и как только Пелагея совсем худо себя почувствовала, то она строго-настрого приказала внучке отправляться к Демьяновым в город. Катерина, мол, обещала приютить.

Письмо Пелагея внучке в руки сунула, адрес. Давно всё подготовила, жила последние шесть лет одним днём. И вот, видно, последние денёчки-то наступили.

— Пятнадцать тебе скоро, Люба. Помни, что нет у тебя никого. И всю жизнь тебе придётся полагаться только на саму себя. Трудности поначалу пугают, но, преодолев их, ты станешь сильнее. Также хочу тебе поведать, что где-то есть у тебя сёстры по отцу. Ольга Егоровна и Татьяна Егоровна Пахомовы. Так получилось, Любаша, что мать твоя, будучи молодой совсем девчонкой, влюбилась во вдовца старше неё на тринадцать годков. Об том мы с дедом твоим узнали, только когда Анфиса в своём положении призналась. Отец твой умер ещё до твоего рождения. Как - не знаю. По Михайловке разные слухи ходили. Родительский дом его сгорел потом. Одна из дочерей, Ольга, пропала, а Танюшку в город отвезли. Сказываю тебе об них на случай, что вдруг судьба когда сведёт тебя с сёстрами? Кто знает ...

Люба жадно запоминала каждое слово, сказанное бабушкой. Сёстры у неё есть, значит, не одна она всё же? Просто разыскать их нужно, о себе им рассказать.

Пелагея Дмитриевна умерла тихо. Аккурат на праздник Успения Пресвятой Богородицы. Похоронили её рядом с мужем, Фёдором Силантьевичем.

Председатель Андрей Ильич, обеспокоившись судьбой осиротевшей враз Любы, вызвался сам её отвезти к Катерине Николаевне.

— Ежели не примет тебя, то, Любань ... Тогда детский дом — вздохнул Андрей Ильич, будучи всё же уверенным, что Любе повезёт и Катерина сдержит слово, данное Пелагее Дмитриевне.

Сам он волновался не меньше девочки, но на то свои причины были. Любовь к Катерине тлела внутри него, как уголёк. Чуть подунь - и огонь разгорится, пламя заполыхает.

Дом Морозовых заколотили, Люба собралась в долгий путь. В последний раз она обвела тоскливым взглядом знакомые и родные места. Вернётся ли она когда-нибудь сюда?

Впереди встреча с Арсением и Савелием Демьяновыми. Одного из братьев, самого старшего, Люба так и продолжала любить. Только уже не детской, а взрослой любовью.

Потому и трепетало её сердечко всю дорогу. Шесть лет прошло. Помнят ли её братья? Савка смешной всё женится на ней обещал, как вырастет.

Люба смотрела из окна поезда на проносящиеся мимо поля. Что её ждёт? Хоть бы ничего дурного.

***

Ульяна вышла из дверей старенького храма и, развернув-

шись, перекрестилась. Хорошую проповедь Тихон сегодня сказал, нужную.

Без Бога в душе слаб человек, всякие мирские соблазны, что язвы на его теле. Всё новые и новые проступают. И ежели не обратиться вовремя за помощью Божьей, то и язвы эти всё тело и душу источат, оставив смрадную зловонную субстанцию.

— Матушка Иулиания! — громко окликнули за спиной.

Ульяна поскорее за ворота вышла, будто и не слышит. Узнала она по голосу. Это постоянный прихожанин, Евгений, настойчиво позвал её.

Не хотела Ульяна лишний раз с ним беседовать.

— Женя? У вас случилось что-то?

Вежливо улыбнуться пришлось, остановиться.

— Матушка, поговорите с отче. Он меня исповедовать в этот раз не стал. А мне очень надо! Бесы донимают, жизнь не мила совсем стала!

Евгений бухнулся на колени и цеплялся за длинную юбку Ульяны. Она беспомощно по сторонам оглядывалась, не в силах ему слова грубого сказать.

Так-то безобидный он был, да порой обострялось его психическое расстройство. С фронта таким вернулся, у немцев в плену побывал. Поначалу к своим попал, тоже в тюрьму бросили, потом разобрались, что к чему, отпустили. А вот психическое здоровье напрочь подорвано у него оказалось. Жену потерял в войну, детей.

С одной стороны, жалко его было Ульяне, а с другой - боязно. Как-то опасалась она душевнобольных, хоть и грех это. Но на ум шло одно: когда Бог хочет наказать человека, то лишает его разума.

Её супруг, батюшка Тихон, не мог просто так отлучить Евгения от исповеди. Значит, узнал за ним что-то, но, как бы Ульяна ни выспрашивала, отвечал со смиренной улыбкой: "Тайна исповеди. Только Богу ведомо, Ульяша, а я всего лишь проводник".

— Женя, вы не волнуйтесь, я поговорю с батюшкой. Всего доброго вам.

Ульяна смогла отцепить пальцы Евгения от своей юбки и бегом бросилась домой. Сердце тревожно стучало у неё в груди. Взгляд Евгения отчего-то недобрым стал, злым.

Единственный прихожанин на всю деревню, который страх вызывал.

Дома Ульяна платок с головы стащила, пальтишко сняла и на табурет присела в тяжёлых раздумьях. Приход этот Тихону два года назад дали, домишко старенький выделили, аккурат рядом с храмом.

Тихон служил безропотно, паству свою любил и мудро поучал время от времени. Требы все выполнял, денег не просил, понимая, что семьям и так тяжко. Но от продуктов не отказывался. Кто сахар даст, кто соль. Домашним хлебушком кто угостит, или соленья домашние в сумочку соберут.

Батюшку на приходе полюбили сразу. До Тихона другой

был. Резкий, грубый. Слова ему лишнего не скажи, чуть ли не епитимию накладывает.

Ульяша долго к здешним местам привыкала. В городе-то сподручней было, но разве Тихону решать, где ему Богу служить? Как архиерей решил, так и смиренно согласился Тихон.

— Ну, что, матушка? Сбежала раньше времени?

Тихон постучал ботинками об пол в сенцах и вошёл в избу, прикрыв плотно хлипкую двёрку.

— Ой, да я погреть поспешила обед тебе — спохватилась Ульяна и бросилась к кастрюлькам на печной плите — только присела и задумалась что-то.

Тихон негромко кашлянул в сжатый кулак, рясу пригладил, прикоснулся к кресту.

— Евгений тебя беспокоит?

Ульяна поджала губы, сразу не ответив. Донесли уже кумушки местные. Вроде и не было никого, когда Женя подлетел к ней, а гляди-ка, увидали всё ж и батюшке скорей донесли.

— Пожаловался он, что от исповеди ты его отлучил. Всё, как обычно — произнесла Ульяна.

— Не как обычно. Заметил я за ним, что кается он об одном и том же, но не от души. И каждый раз в одном и том же грешит. Наказал я ему со страстями своими бороться, а потом как сможет, так пусть и приходит ко мне.

Ульяна слушала внимательно. Впервые за всё это время

Тихон разоткровенничался о Жене.

— Жалко его всё же. Ведь как блаженный или юродивый какой ...

Тихон брови нахмурил, но промолчал. Знал он больше, да не жене его будет сказано об том.

— Василий обещался на этих выходных приехать к нам. Учиться в семинарии ему долго, так уже заранее слово замолвить нужно. Он молодой, горячий. Ему бы опыта в служении возле меня набраться, рядышком. А то пошлют куда-нибудь нашего Васятку далече, и будет сердце моё отцовское не на месте. Матушку опять же приглядеть ему надобно. Девицу скромную, да верующую желательно. Ведь от матушки многое зависит, а? Ульяша?

Тихон подошёл к супруге и носом уткнулся в волосы, аромат луговых трав вдохнул. Любил он её с каждым прожитым годом вместе всё сильнее и сына любил. За обоих молился усерднее, чем за себя или же за других. Знал, что негоже так, но не мог свою отчаянную привязанность к матушке и сыну ослабить.

— А всё же Евгения исповедуй, Тиша — попросила Ульяша, испытывая внутри непонятную тревогу. Кабы чего не натворил Евгений. Когда с разумом проблемы, то это серьёзная беда, однако.

Глава 18

Метель завывала совсем как тогда в Михайловке. Таня хорошо помнила этот вечер. Бабушка Нюра с дедкой Антипом

как раз об отце говорили. Тоска тисками сжала сердце девушки при воспоминании об этом. Она возвращалась с учёбы. Поздно уже было, вечер. В библиотеку по пути заскочила, забрать книжку, которую в прошлый раз присмотрела.

Она же училась теперь. Добилась своего. Мечта у неё была, врачом стать, лечить людей. Поэтому к учёбе своей Таня относилась трепетно, с большой ответственностью. Спасибо Аристарху Игнатьевичу, помог.

Порой мелькала в голове мысль, но тут же исчезала, что видели бы её бабушка с дедом сейчас и папка с Ольгой. Ведь кто бы мог подумать? Что девочка из простой рабоче-крестьянской семьи будет жить в доме генерала, в Москве да ещё учиться в медицинском институте.

Сама Таня о таком и не думала никогда. В семье генерала её любили. И свёкор, и свекровь. Но с мужем отношения были очень натянуты.

Его тяжёлый характер уже был притчей во языцех. Аристарх Игнатьевич пристроил его преподавать на военную кафедру, потому как более комиссованный из армии по инвалидности Леонид построить военную карьеру больше не смог бы. А тут вроде как при деле. Лекции читает, студентам ума вкладывает, своим опытом делится.

-Долго ходишь - поджав губы, выговорил Леонид, как только Таня вошла в дом, отряхиваясь от снега. Щёки её раскраснелись на морозе, глаза блестят, губы в приветливой улыбке норовят растянуться. Не понимала Таня, отчего её

муж такой угрюмый всегда? Ей намного тяжелее в жизни пришлось, но она находит поводы для радости.

-Лекции поздно сегодня закончились, в библиотеку забежала - не обращая внимания на хмурый тон Леонида, доложила Татьяна. Помощница по хозяйству, Валентина, забрала из рук Тани её пальтишко, сапожки отнесла погреться, тапочки домашние девушке придвинула и, спросив, не желает ли Танюша сейчас отужинать либо чуть позже, удалилась. Таня в одиночестве никогда не ужинала. Всегда свёкра дожидалась, а он сегодня что-то задерживался.

-Жена должна вовремя дома быть и мужа ждать. А ты специально где-то шатаешься допоздна, чтобы только переночевать и рано утром снова в институт убежать. Что ты за жена такая?

Леонид схватился за костыли, лицо его было серым, угрожающим каким-то. В душе Таня его жалела. Остаться без ноги в молодом возрасте тяжело. Да и рука всего одна рабочая. Но что можно было изменить? Проклятая война многих тогда покалечила. И не только физически.

-Лёня, я не могу нигде шататься. Я город плохо знаю. У меня и знакомых-то нет в Москве. С однокурсниками я не общаюсь особо. Ты зря сейчас придираешься. Хочешь, ужин сама тебе погрею? Ты голоден?

Таня заглядывала Леониду в глаза, пытаясь усмирить его раздражение. Устала она думать каждый раз о том, правильно ли она тогда поступила. С одной стороны, свёкор ей боль-

шую помощь оказал, образованным врачом она станет. С другой - брак этот ни ей, ни Леониду не нужен. Любви потому что нет в нём и не будет. Таня не может Митьку забыть, и сердце её только ему принадлежит. А Леонид он ... Он скала, стена непробиваемая. Кажется порой, что ему чужды все плотские земные чувства. И ладно бы он с войной такой стал, а то ведь нет же!

Говорила Валентина шёпотом, что всегда Лёня таким был. С самого его детства. А уж ей ли не знать? Она у этой семьи очень давно работает и Леонида с малолетства знает. И в кого он таким уродился, никто не мог понять. Эльвира Михайловна была вечной кокеткой. Воздушной, лёгкой. Она не шла, она будто парила своей изящной походкой истинной леди из дворянской семьи. А голос её колокольчиком звенел, лаская слух каждого, к кому она обращалась.

Аристарх Игнатьевич был порой суров, но лишь в силу своего генеральского звания и возраста. На Эле он женился, когда ему было уже далеко за тридцать, а ей без малого восемнадцать лет. Лёня у них единственный поздний ребёнок. И детство его ничем было не обделено. Так с чего такая мрачность? Пессимизм?

Таня терялась в догадках, уже не надеясь, что ей когда-нибудь удастся достучаться до своего мужа.

-В комнату пошли - приказал Леонид - я голоден, да. Но не ужин мне нужен.

Девушка похолодела, сжалась как-то вся. Да, они с Лёней

были женаты уже достаточно долгий период времени. Однако спали в разных постелях, и он никогда не намекал на что-то большее, на её прямые обязанности супруги.

-Лёня ... Ты погоди пока. Я только с улицы, дай дух немного переведу, да чая горяченького выпью хотя бы. Метель там, морозит. Ты иди, я скоро к тебе приду.

-Сейчас пойдёшь - прошипел Леонид здоровой рукой перехватив локоть Тани - немедля. Дважды повторять не буду.

Что-то в его взгляде заставило девушку подчиниться и пойти следом за мужем. Не было у неё такого права, как отказать ему. Жена ведь. Но как же боязно, как внутри зашлось всё от протеста, от нежелания находиться так близко к Леониду. Пугал он её, жуткий страх вселял.

-Двери запри - приказал Лёня, опустившись на кровать и со злостью отбросив костыли в сторону. С глухим стуком они упали на пол, заставив Татьяну мысленно вздрогнуть. По всему телу мурашки побежали, нервной дрожью затрясло. Ведь ни с кем она ... Ни с кем. Чиста, как ангел.

-Лёня ... - попыталась было она завязать разговор. Но он только рыкнул и обжёг её с головы до ног яростным взглядом.

-Заперла? Так чего двери подпираешь, ко мне иди - ледяным тоном окатил муж.

На ватных ногах Таня направилась к Леониду. И на что она надеялась? Что он никогда не предъявит своих супружеских прав?

***

Люба, заткнув уши, пыталась учить уроки. Но ничего, как назло, не запоминалось. Все мысли Арсений занимал. Любила она его так, что сердечко из груди выпрыгивало, и ничего поделать с собой не могла. Только Арсений не замечал Любу. Конечно, зачем ему? Парню двадцать лет. На заводе уже работает, девушка есть.

Уж сколько слёз Люба пролила в подушку, как приехала к Катерине Николаевне жить после смерти бабушки. Приняла она Любу радушно, нисколько не колеблясь. К тому же как Андрея Ильича увидала, так и расцвела будто бы вся. Любу в свою просторную квартиру завела, суетливо на стол собрала.

Всё не могла с председателем наговориться, выспрашивая подробно о школе, о знакомых. Всплакнула, когда Пелагею Дмитриевну вспомнили. Андрея Ильича она заверила, что Люба в хорошие руки попала и обделена ничем не будет. Воспитает она её, как дочку. Ведь в своё время Пелагея Дмитриевна смогла руку помощи протянуть ей и её сыновьям, так разве ж она, Катерина, не поможет сироте?

Довольный Андрей Ильич ближе к вечеру отбыл на вокзал, попрощавшись скорее с Любой. Он уезжал с воспоминаниями о долгожданной встрече с Катериной и с тем, что в сердце своём он эти воспоминания будет хранить как самое драгоценное и дорогое.

Катерина Николаевна также осталась довольна встречей. Много ли ей нужно? Только раз увидеть того, о ком сердце

болит, узнать, что жив-здоров и всё у него хорошо. А более ничего не надо. Одного лишь мига достаточно, чтобы ночами потом в памяти перебирать, снова и снова ощущая робкое прикосновение Андрея Ильича к своей руке.

Вот ведь любовь-то какая бывает. Умом и сердцем рядом, а физически никогда не будут вместе. Так и Люба. Мучилась и страдала от неразделённой любви к Арсению. Маленькая она для него, неуклюжая и нескладная. Только Савка ей и уделяет знаки внимания, а Любе от этого ещё тоскливей. Савка что брат для неё, а вот Арсений ...

-Любаша, ты дома? - донёсся из прихожей голос Катерины Николаевны - я булочки принесла ароматные, выходи чай пить.

Люба нехотя вышла из комнаты, которую для неё освободил добродушный и влюблённый в неё Савка. Сам же он к Арсению перебрался, Катерина обитала в просторной зале.

-Добрый вечер, Катерина Николавна - со вздохом поздоровалась девочка - опять метель?

-Заметает - Катерина, шустро поставив чайник на плиту, с улыбкой взглянула на Любу - что смурная-то такая? Опять двойку схлопотала?

-Да нет, отметки выровнялись. Просто настроения нет - пожала плечами Люба

Катерина решительно придвинула табурет поближе и, подсев к девочке, взяла её холодные руки в свои.

-Милая моя девочка, Любушка. Ты думаешь, я ничего не

вижу и не замечаю?Истинная любовь познаётся в испытаниях - только через преодоление трудностей сердце обретает силу. Подумай на досуге. Арсений просто не видит пока, какой цветочек у нас зреет. Потерпи, не рви себе сердечко. Жизнь она, знаешь ли, такая непредсказуемая порой бывает. Ты пока учись, взрослей и не спеши. Смакуй каждый миг своей жизни. А остальное всё успеется. Если вам с Арсюшей суждено вместе быть, то я от души вас благословлю. Но если нет ... Тогда смирись. У каждого своя судьба ещё до его рождения написана. Савку только не обижай. Верю, что у него пройдёт влюблённость в тебя. Мне так тяжко на вас смотреть, дети мои. Так душа порой болит за вас. Как-то ваша жизнь сложится?

Прижавшись своим лбом ко лбу Любы, долго так сидела и молчала Катерина Николаевна. За окном завывала метель и свистел ветер. Отголоски войны ещё долго будут эхом отзываться в душе каждого. Люба успокоилась, решив, что и вправду всему свой срок.

Глава 19

Миша грел замёрзшие руки своим горячим дыханием. Он топтался на месте, поджидая своего друга Прошку. Тот обещал у мамки отпроситься на улицу. Мороз крепчал всё сильнее. В такую погоду до прогулок ли? Но Мишка не мог дома сидеть. Уж лучше сопли морозить, чем с бабушкой, да дедом в одном помещении находиться. Это сёстры вон пускай терпеливо молчат. Малы они ещё и пока мало что понимают. А

он, Мишка, жизнь уже понял.

Увёз их дед Кирьян далеко-далеко. На золотые прииски, в Зауралье. Здесь, среди скалистых сопок и ледяных рек, кипела работа: шурфы и разрезы вгрызались в вечную мерзлоту, а по долинам тянулись следы драг и промывочных установок.

Местность здесь низкогорной была, изрезанной долинами. Сопки с плоскими вершинами на тысячу с гаком метров над уровнем моря подымались, и склоны их местами были круты да обрывисты. А меж ними расположились узкие долины рек, где и сосредоточены были прииски.

Зима в этой местности рано начиналась. И поначалу Мишке непривычно было, что уже в конце сентября здесь ложился устойчивый снежный покров, а температура воздуха к январю понижалась до минус тридцати девяти градусов.

Работе старателей позавидовать нельзя было. Трудиться приходилось и в ветер, и в позёмку, и в ледяную крупу.

Лето же было прохладным, если не сказать, что совсем холодным. Плюс одиннадцать тепла за всю летнюю пору - это разве ж лето??? Тосковал Мишка по Ленинграду, который ему казался теперь теплее всех городов на свете. Мечтал мальчик вырасти скорее, да вырваться из цепких лап деда. Да только Кирьян кулаком по столу стучал и грозился из-под земли его достать, если Мишка только задумает уехать от них.

Семейное, мол, дело Лыковых на приисках бросить дед

ему не позволит. Не для того он из детского дома забирал его. Мишка молчал и терпел. Давно бы сбежал, хоть сгинул бы где, а жизнь у деда поперёк горла ему уже была. Сестёр только жалко, ведь загубит их и Кирьян, и бабка Варвара. Долго Мишка привыкал к их новой жизни-то.

Утром - лязг металла, гул дизелей да громогласный окрик бригадира. Днём всё то же - стук молотков в забое, шипение пара и лишь к вечеру тишина, нарушаемая лишь треском костров возле барака, да отдалённым воем где-то в лесу.

Посёлок, в котором поселилась семья Лыковых, был небольшим. Все друг друга знали поимённо. Жили здесь в бараках, построенных на сваях одной большой семьёй. Контора имелась своя, общественная баня, склад ГСМ и свой медпункт.

Зимой окна барака затягивало толстой ледяной коркой, у входа высились огромные сугробы, а из печных труб струился сизый дымок, устремляясь ввысь в затянутое серыми тяжёлыми облаками небо. Бабушка Варвара всегда спозаранку Мишку до колодца заставляла ходить с двумя железными вёдрами за водой. И мальчик ходил. Надевал толстый ватник, ушанку на голову и в огромных не по размеру валенках по сугробам отправлялся за водой.

Перечить ни деду, ни бабушке было нельзя. Наказание следовало незамедлительно. Дед обычно порол до посинения, а бабушка приказывала становиться коленками на рассыпанный по полу горох и усердно молиться перед иконами.

Единственным развлечением в посёлке был горячий чай в общей компании всех собравшихся, да игра в карты. Кино раз в неделю к ним в клуб привозили, по выходным - развесёлые танцы под гармонь. Порой самодеятельные спектакли ставили местные активисты-организаторы.

Только если повзрослевшему и хитрому Мишке удавалось сбежать из-под бдительного ока деда с бабушкой, то сёстрам его приходилось томиться в четырёх стенах комнаты в бараке и без ведома бабушки Варвары никуда не выходить.

-Давно ждёшь, Михан?

Прошка незаметно подошёл. Миша даже и не слышал, погрузившись в свои тяжёлые думы. Ему скоро пятнадцать, и дед с него совсем тогда не слезет. С собой на прииски будет таскать, да работать заставлять вместе со всеми безо всяких поблажек. А Мишка учиться хотел, специальность получить, в городе жить и трудиться на каком-нибудь предприятии, а не отшельничать на приисках, оставляя здесь всё своё здоровье. Потому как адский это труд и не каждому по силам.

Дед-то он закалённый, войну прошёл. Ему слома нет. И взял он их, своих внуков, из детского дома, чтобы рабов из них сделать. Ни любви, ни жалости он к ним не испытывал, как и бабушка Варвара.

-Да нет. Куда пойдём? В клуб, может? Выходной сегодня, танцы теперь там устроят.

Прошка презрительно, как взрослый мужик, сплюнул сквозь щель в передних зубах.

-Да что там танцы? Будешь?

Из-за пазухи он достал небольшую бутыль с чем-то мутным и портсигар с самокрутками. В нос Мишке ударил запах крепкого табака и самогона. Он опасливо осмотрелся по сторонам. Ни разу он ещё ничего из этого не пробовал. Дед, ежели учует, так живого места на нём не оставит тогда.

-Ты где достал-то? - зашептал Миша, чувствуя, как любопытство к запрещённому всё разгорается внутри.

-Где взял, там уже нет. Ну? Или малой ещё? - подтрунил Прошка, который уже успел всего по чуть-чуть попробовать. Мамка у него в клубе трудилась кем-то там, а батя на приисках. Оба любители погулять, да выпить крепко. Вот и Прошка, видать, от родителей решил не отставать.

-Ничего я не малой. Пошли за сарайку, а то тут увидит кто.

Мальчишки отправились по темноте подальше от чужих глаз, не подозревая даже, чем обернётся их тяга к взрослой жизни.

***

Василий сидел на корточках, уткнувшись лицом в крепко сжатый кулак. Перед ним были два свежих холмика, припорошенные белоснежным снегом, который искрился на солнце так, что глаза болели, глядя на него.

-Евгений этот в розыске был. В наши края подался, решив, что в такой глуши его точно никто не сыщет. Ты уж, сынок, крепись. Батюшка Тихон, да матушка Иулиания Цар-

ствия Небесного заслужат у Господа за свои мучения, которые они приняли. Упокой Господь их души. Крепись, Вася, крепись.

Что ещё могла добавить Елизавета Юрьевна, глава сельсовета? Такое зверство от, казалось бы, тихого и небуйного дурачка, который жил среди них, разве ожидал кто? Он же даже не осознал свою вину, когда его забирали прибывшие из города сотрудники уголовного розыска. Лишь твердил как заведённый, что отец Тихон, дескать, несправедливо от исповеди и Причастия его отлучил.

-Почему Бог допускает такие бесчинства? Почему? - глухо произнёс Василий, не поднимая головы. Невыносимо ему было на могилки своих родителей смотреть. А ещё предстояло их вещи разобрать. Что-то раздать после сорока дней, что-то себе забрать. Церковный домишко к весне освободить надобно для нового приходского священника и его большой семьи.

-Кто же об том знает, Васенька? Видимо, Господь попустил для тебя такое страшное испытание, чтобы окреп ты духом, в молитвах за родителей преуспел.

Юноша вдруг резко на ноги поднялся, свой ясный взгляд в белоснежное поле за кладбищенской оградкой устремил. Он осознал вдруг, что не его это путь. Из-за отца он в семинарию учиться пошёл. Но теперь отца нет, и никто не заставит его быть смиренным, терпеливым и кротким перед подобными обстоятельствами и испытаниями.

-Елизавета Юрьевна, я один сегодня побыть хочу. Что мне особо дорого, заберу с собой. А остальное после сорока дней сами разберёте. Завтра на рассвете я уеду.

И, не дожидаясь ответа, Василий, твёрдо перекрестившись, размашистым шагом пошёл прочь. Сам по себе он, один. Трудно придётся в мирском светском обществе вдали от тихих послушаний в семинарии и молитв. Но он справится.

Глава 20

Таня как-то враз ослабела. Беременность будто все соки у неё высасывала. Стыдно было признаться, но ребёнка, которого она под сердцем носила, Таня не любила. Нежеланным он был, незапланированным.

Слёзы наворачивались при воспоминании о том, как было зачато это невинное, ненужное ей дитя.

Леонид всё так же оставался холоден к ней и груб. Ничего Таня не могла поделать с этим.

Генерал старел, поговаривал о том, что скоро уйдёт со службы, дома сядет. Эля, его супруга, уговаривала не спешить. Что дома делать? Скукота. Захиреет быстро и сдаст.

Аристарх Игнатьевич с женой спорил, не соглашаясь с её доводами. Устал он. Всю жизнь в армии да по гарнизонам. В Москву ещё до войны перебрался, но и тут особо покоя ему не было. Или же он по своей упрямой и справедливой натуре покоя не знал. Другие-то вон, бодрячком.

Свёкры были очень рады, когда Таня, краснея и страшно

смущаясь, о своём положении им сообщила. Один Леонид губы недовольно кривил да взгляды презрительные бросал.

Как же Таня его ... Ненавидела. Да-да. Именно это чувство вызывал в ней муж, а ещё полное отторжение. Причём Леонид сам добился этого. Не могла Таня относиться к нему иначе. Сколько лет они уже женаты, а ничего в их отношениях в лучшую сторону не поменялось. Те же высокомерие и холод.

А какие он слова ей каверзные говорил, стоило им наедине остаться. Таня терпеливо выслушивала и молчала. Она в рабском положении. Кому она пожалуется? Родителям Лёни? Он их единственный сын, и в их присутствии Леонид с женой учтив и вежлив. Выхода у неё нет. А теперь и подавно, когда ребёнок вот-вот на свет родится.

Свекровь постоянно о самочувствии интересовалась, да приданое для внука или же внучки готовила.

Генерал требовал пока учёбу прекратить. Не гоже мол, с таким животом по улицам города расхаживать да в институте глаза мозолить. Потом как родит, ребёночек окрепнет, так и вернётся Таня к своей учёбе, в которой генерал теперь не особо видел смысл. Ведь он когда сына своего женил, даже и мечтать не мог, что дитя он сможет зачать. И смог! Уж давно они с Таней поженились и наконец-то внук будет!

Однако Таня дома сидеть не хотела. Только не это. Она заверила свёкра, что у неё всё в порядке. Она не больна, не инвалид. Она просто немного беременна.

Экзамены скоро. Ведь последний год! Диплом на носу. Студенткой она была ответственной, преподаватели навстречу ей шли охотно. К тому же родство с генералом Луговым шло в зачёт.

Леонид женой совсем не интересовался. К костылям он привык, дискомфорт уже не испытывал. Да, без половины правой ноги, с парализованной правой рукой, и что?

Стыдиться ему нечего. Последствия войны. Наоборот, гордиться стал, за собой как-то следить. Гладко брился, волосы приглаживал то и дело, одеколоном поливался.

Помолодел будто, в глазах огонь зажёгся и сразу же затухал при взгляде на жену.

— Зачем женился тогда на мне, Лёнь? — спросила как-то Таня. Живот опустился у неё, роды совсем близко. Лето как-то быстро пролетело, снова золотая осень. Сейчас бы Таня где-нибудь в ведомственной больнице трудилась бы, опыта набиралась, практики. Все планы ей эта беременность нарушила. Свекровь намекнула, что внука ждёт, любит и рада его появлению будет, но в няньках сидеть не намерена. У неё своя насыщенная жизнь. Какая Тане работа? Дома сиди и занимайся воспитанием ребёнка.

И чем больше Таня об этом думала, тем тошнее ей становилось. Получается, что она от этого брака ничего не выиграла. А как же карьера? Медициной Таня заболела ещё на фронте, когда в военном госпитале помогала раненым, ассистировала на операциях порой, ведь больше было некому.

-К чему лишние вопросы мне задаёшь? Сиди и радуйся, что тебя с улицы в нашу семью взяли. Живёшь на всём готовом, ни в чём не нуждаешься, на работу, как все, не бегаешь и не вкалываешь от зари до зари. Только смотрю ты и этим недовольна?

Таня молчала, опустив голову. Не в радость ей уже всё это было. А кого винить? Она что за Леонида замуж вышла несчастлива, что отказала бы тогда генералу - так же была бы несчастлива. Потому как Аристарх Игнатьевич отказ её не принял бы и кислород-то ей перекрыл. Такие люди. Любят они, чтобы им все подчинялись и мнения своего не имели. Тане не повезло в том, что Луговой её тогда заприметил и на заметку себе взял.

Всё чаще о Митьке она думала. А может, живой где? Что, если ошиблись тогда? Перед родами всё бродила Таня по городскому парку, бродила и места себе не находила от внутреннего беспокойства. Чужая семья Луговые, чужая. Относятся хорошо, да. Но всё равно как не в своей тарелке жила Таня в их доме и слова лишнего сказать не могла.

Листва под ногами приятно шуршала, солнце ярко светило прямо в лицо. День-то какой погожий. Задрав голову, смотрела Таня на ярко-жёлтые кроны деревьев, на безоблачное голубое небо, и не могла надышаться она этой осенней красотой, этим воздухом. Страшно ей было перед родами, а поделиться своими страхами не с кем.

-Танюша ... Таня ... Неужели это ты?

Девушка повернулась, услышав смутно знакомый голос. Улыбка озарила её бледное лицо.

-Тётя Аня?

-Значит, ты! А я смотрю на тебя, смотрю. Давно ведь видела-то, ещё в детском доме ты когда была!

Анна приблизилась к племяннице и, взяв её за руки, внимательно посмотрела в лицо. Надо же, какая неожиданная встреча. Кто бы мог подумать! В Москве!

-А я вот ... Замуж вышла - Таня отчего-то покраснела, убрав свои руки из тёткиных и интуитивно к животу их прижав.

-Вижу - Анна, прищурив глаза, продолжала пристально рассматривать племянницу. Одета хорошо, модно. Значит замуж удачно вышла, ребёночка ждёт. Не ошиблась Анна тогда, подумав, что ежели Танюшка умная, то в жизни хорошо устроиться сможет, и без особого интереса она спросила - когда срок?

Таня опустилась на скамейку, которая поблизости оказалась. С одной стороны, встреча порадовала её. Тётка же, родная. А с другой ... Во взгляде Анны ответной искренней радости она не увидела. Насторожённо она осматривала её, с любопытством.

-Уже совсем скоро рожать - ответила Таня - а вы как тут, проездом?

Анна присела рядом, складки на своём пальто разгладила, береточку поправила. Руки чуть дрожали у неё, глаза тут же

покраснели, слезами налились.

-Сынок у меня приболел. Тринадцать ему в этом году исполнилось. Он и так-то слабенький родился. А тут совсем ...

Промокнув носовым платочком глаза, Анна поведала, что в войну туго им пришлось. Муж у неё на фронт ушёл, сама она с сыном эвакуировалась в какую-то глушь.

-Пять лет тогда Максиму было. Болел и болел часто. Сейчас вот с сердечком проблемы начались. Осложнения из-за перенесённых инфекционных заболеваний. Муж у меня погиб в сорок пятом, до победы два месяца не дотянул. Осталась я вдовой со слабеньким Максимкой. В город свой вернулась потом с ним. А жить-то и негде. Дом, где у мужа квартира имелась, попал под обстрел, пожар потом там был. Второй этаж полностью выгорел, и наша квартира в том числе. Ничего не осталось. Обратилась куда следует, попросила слёзно. Вдове героя помогли, комнату выделили в коммуналке.

Анна с горечью усмехнулась, вспоминая свои злоключения.

-Жизнь, казалось, кончена. Я же привыкла ... Привыкла к другому жизненному укладу. За меня всегда мой супруг все проблемы решал. А тут я один на один осталась и из родных никого. Ты не подумай, я про вас с Ольгой не забывала, думала о вас ... И знаешь, мне кажется, Ольгу я будто бы видела.

Как-то испуганно по сторонам осмотревшись, Анна по-

ближе придвинулась к племяннице и зашептала ей на ухо:

-Ты только никому. Узнают если, то всех сошлют туда, откуда возврата нет.

Таня, разволновавшись так, что низ живота заныл и поясницу заломило, приготовилась внимательно слушать. О своей сестре и она ни на миг не забывала. Верила, что жива она где-нибудь. Не могла просто так сгинуть тогда!

Глава 21

— Да куда ты замахиваешься-то! Остановись, убьёшь же!

Варвара пыталась выхватить из рук разъярённого Кирьяна плётку, которой тот внука хлестал. Жестоко хлестал, беспощадно. Как свою лошадь, когда она идти отказывалась.

— Что, ирод, уразумел теперь? Ещё раз языком своим поганым про деда что дурное молвишь, совсем тебе его вырву. Лучше немым будешь ходить у меня.

Кирьян опустился на скрипучий шаткий табурет. Раскраснелся, запыхался пока внука по всей комнате гонял да плёткой замахивался.

В какой-то момент в азарт вошёл. Вспомнил, как Петьку вот точно так же своими руками забил до смерти. Аж зубами заскрежетал.

За что, спросил бы кто его. И сам не ответил бы. Перед фрицами, ежели выслужиться хотел.

Ошалел было Кирьян от нахлынувших враз воспоминаний-то, прошлое с реальностью спутал. Ведь щенок этот вырос да так на Петьку стал схож, что дурно становится от этой

его схожести.

Вот девки все в Ольгу Пахомову удались, а этот ... М-м-м ... Щенок. До конца жизни живым напоминанием Петра будет.

— Пить подай, Варвара, да на стол пошустрей собери. Придут ко мне скоро, гутарить будем. А этого черта в баню уведи, да отмой как следует. Девки где?

Варвара, украдкой слёзы утирая, зачерпнула ковшом воды из ведра и мужу подала.

— Да убежали с соседской ребятнёй. Я им разрешила, Кирьян. Они и так как дикари растут. Это нельзя, то. Совсем ты их в чёрном теле держишь. Неровен час заподозрят что про нас.

Кирьян со всего маху кулаком по столу так саданул, что плошки да ложки на пол полетели.

— Ты мне эти разговоры брось. Я вместе с нашими советскими войсками до Берлина шёл. Пусть только попробует мне кто слово поперёк вставить .... — Кирьян зубами скрипнул от злости, добавив вполголоса — раздавлю.

Миша, в углу сжавшись в комок, с ненавистью смотрел на деда во все глаза. Не понимал он своим детским умом подростка, что за человек его дед. Разве таким должен быть настоящий герой, который фрицев проклятых давил, как клопов?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.